

ИНОМЕРОВО КОЛЕСО

ВАРВАРА ЦАРЕНКО

Варвара Евгеньевна Царенко

Иномерово колесо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200516

ISBN 9785448553592

Аннотация

Молодой княжич Волх Змеерожденный, доведенный горем-злосчастьем до страшного деяния – покушения на своего отца, гонимый муками совести, отправляется в далекий путь к Иномерову колесу. Невиданный враг остановил колесо, переплелись и перепутались судьбы всех обитателей Великовершия. Сумеет ли грешный княжич изменить свою тяжелую долю, сумеет ли спасти Великовершие от страшного будущего... То неведомо даже самим суженицам.

Содержание

Часть первая. Змеерожденный	5
Глава первая. Ночной пара	5
Глава вторая. Суженицы	21
Глава третья. Волх Змеерожденный	30
Глава четвертая. Переплут	51
Глава пятая. Ламаны и Шатун	68
Глава шестая. Замысел ведуна	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Иномерово колесо

Варвара Евгеньевна Царенко

Редактор Серафима Белая

Иллюстратор Алёна Азизулова

Дизайнер обложки Алёна Азизулова

Дизайнер обложки Анастасия Баженова

Корректор Варвара Дынникова

© Варвара Евгеньевна Царенко, 2018

© Алёна Азизулова, иллюстрации, 2018

© Алёна Азизулова, дизайн обложки, 2018

© Анастасия Баженова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5359-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Змеерожденный

Глава первая. Ночной пара

Как сейчас гудела гридница голосами: шел пир, шло застолье. Праздновали Ясницу, светлый весенний праздник. Распивали лучший мед из погребов князя *Гнежко**, заедали смех и разговоры жаренным на вертеле гигантским туром, пойманным самим Лучезаром, младшим братом князя.

Меж столов сновали чашники, охотничьи собаки и бегали совсем маленькие дети дворовых. За княжьем столом восседала вся семья: князь Гнежко в красной, украшенной затейливой вышивкой волоте, подпоясанной богато расшитым поясом с серебряными бляхами; улыбчивый и прекрасный Лучезар, разодетый в синюю свиту, расшитую золотыми нитками. Справа от него восседала жена Лучезара, и на ее на румянном лице то и дело расцветала добрая, будто весеннее солнце, улыбка. По другую сторону от светлого князя сияла красотой княгиня Велена, молодая жена Гнежко, белая голубица всей Северной Полмы. Подобно золоту полей отливали ее прекрасные волосы, подобно ясным звездам сверкали глаза. Да только сияние красоты ее было не праздничным, не солнечным, а печальным, будто свет одинокого месяца.

Ясница – день девичий. Молодые девушки в этот день об-

ручаются с сужеными, а замужние женщины молят *Чару-воительницу** о женской силе и наследниках рода. Ясница гуляет среди жилищ и на кого из девушек дунет, та через полгода-год обязательно приведет на свет малыша. Велена уже год как была княгиней Застеньграда, уже год как проживала в детинце и делила опочивальню с самым прекрасным и дорогим ее сердцу мужем, с добрым князем Гнежко. Но вот прошел год с прошлой Ясницы, а наследника у князя так и нет. Велена порой поднимала печальные глаза с длинными коровьими ресницами и с тоской смотрела в сторону соседнего стола, за которым сидели ближайшие кмети князя и куда напросились дети Лучезара и Андины. Три славных милых дочки родила Андина, дочь ближайшего родственника приморского князя. Три малютки-погодки, все как на подбор: высокие, сильные, смешливые. Старшую звали Милადой и была она самой смелой и бойкой, даже порою приходилось прогонять ее со двора в светлицу, так она любила возиться в грязи с мальчишками или лазать по деревьям. Младшим же, четвертым, Андина родила Лучезару сына. От дум о крохе сердце Велены заныло еще пуще. Стоило только припомнить нежные щечки малыша, его цвета летнего неба глазки – щемило где-то в груди, да так, что прятала Велена взгляд, лишь бы не портить Гнежко добрый вечер. Но и сам князь уносился мыслями далеко, серьезно вглядываясь в полумрак гридницы. Заметила это княгиня, опечалилась еще больше, но не о том же думал князь, о чем были думы Веле-

ны. Чтобы не тревожиться напрасно, княгиня тронула мужа и негромко спросила:

– О чем твои мысли, мой любезный муж?

Гнежко обернулся, и тут же лицо его озарила улыбка. Велена улыбнулась ему в ответ, хоть и было сердце ее не на месте.

– Приснился мне сон сегодня, свет мой, – ответил Гнежко.

– О чем же тот сон был?

– Приснилось мне, будто иду я по полю, тебя ищу. Ушла ты от меня цветочки рвать, веночки вить, разыскиваю я тебя, кличу, зову без ответа. Вдруг повстречалась мне на дороге окаянная змея-уголица, оплела мои ноги и ужалила. Упал я на сырую землю, и тут вылетел из правого моего рукава ясный сокол, а из левого – серая утица.

– Странен твой сон, – негромко проговорила княгиня. – Тревожен... Попроси старую Зайчиху рассудить да разгадать, что он значит. Много множеств снов чаровница разгадала, и твой сумеет.

Гнежко кивнул и коснулся белой руки княгини. Улыбнулась она ему нежно, но снова темные думы застили лицо князя.

– О чем ты снова задумался, ясный мой свет?

– Многовато в детинце *выдивьев**, – ответил он ей также негромко. – Так и снуют между столов, чарки всем наполняют, смотрят по сторонам...

Среди чашников было трое молодых дивородков-подки-

дышей, трое совсем юных отроков. Двое из них, как и большинство дивородков, были хромы, а третий – с наростами надо лбом, кривыми и маленькими, лишь отдаленно напоминающими могучие рога.

– А что же плохого в этом, Гнежушка? – удивленно распахнула княгиня глаза. – Не ты ли сам взял их всех?

– Только после твоих уговоров, – с легкой укоризной ответил князь. – Где же это видано, чтобы при детинце было больше полуродков, чем честных людей?

– Твой суд всегда справедлив, но здесь ты слишком строг, – покачала головой Велена. – Знаю я, князюшко, что считаешь всех полукровок хитрованами. Но разве знаком ты с каждым на свете дивородком? Разве говорил ты с каждым, чтобы судить обо всех?

– Благость моя, – вздохнул Гнежко, – ты порою будто дитя несмышленное... Жаль, что ты не видишь этих выроdkов насквозь, но доверься мне: каждый из них – наполовину чуд, а чудам доверять – самому проверять.

Велена не посмела спорить, потому что и в самом деле не знала жизнь так, как знал ее муж. Он ведал о людях и диволюдах, он знал о войне, об охоте... Она же знала о песнях, легендах, о преданиях, ведала и о торговле, и о ремеслах. Не знала только о материнстве, а потому страшилась любых споров о детях. Будь то человеческие дети или дивородки, сердце ее смущалось таких разговоров.

К столу подошел один из них, хромой на обе ноги, осто-

рожно предложил наполнить чаши. Оба глаза его были бесцветными, а, несмотря на юный возраст, на лбу появились залысины там, где должны были вырасти рожки.

– Поднимем тост за князя! – поднялся Лучезар и вскинул руку с полной чашей. Гридница постепенно утихла, музыкант прекратил играть, даже собаки, казалось, прислушались. Лучезар дождался тишины и обернулся к Гнежко.

– Любезный, милый брат. Не передать, как рад я, что нахожусь здесь с тобой в кругу верных тебе славных кметей... – Гридница одобрительно загудела, застучали кружки по деревянным столам. – Нет на всей Великовершской земле князя, который был бы так справедлив и щедр. Будь здоров и живи долго! – Кмети снова зашумели, забасили и заколотили кружками. – Но! – повысил голос Лучезар. – Я хотел сказать еще кое-что... Ты, дорогой братец, не был бы и вполтину столь справедлив, столь удачлив, столь светел, – все затихли, внимая каждому слову. – Если бы... Не я, – и тут же звонко рассмеялся. Гридница с облегчением выдохнула, и кто-то прокричал: «Ишь, гарцует!»

– Конечно же, не я, нет, а тот, кто придает тебе сил, от мыслей о ком на твоём лице проступает улыбка, как на цветах проступают с восходом солнца капли росы, – Гнежко положил руку на белую ладонь княгини и немного сжал. Велена почувствовала, как заливает краской ее бледные щеки. – Не я тот, кто снимает с твоих плеч печали и горести, будто тяжелый дорожный плащ. Не я тот, кто оmyвает тебя

любовью, будто теплый Порог своими водами омывает крутые берега... И поднимать за твое здоровье и удачу чарку, светлый князь, – значит поднимать ее за трисветлую княгиню Велену. Солнца свет не так греет нас, как ты, сестрица, – Лучезар улыбнулся мягко и тепло, а Велена опустила глаза и ухватила крепко за локоть мужа. – Будь здорова и весела.

Гридница одобрительно загудела, каждый из присутствующих вытянул руку с чаркой к самому потолку, даже крошка Милада встала с ногами на лавку:

– За трисветлую княгиню Велену!

Вся дружина князя и вся дружина Лучезара от всего сердца, от всего блага пила за здоровье княгини, но не было той покоя и радости. Бывает такое, что добрые слова, сказанные не к часу, вдруг заставляют сердце тоскливо сжаться и затаиться где-то глубоко-глубоко, как мелкая рыбка таится между донных камешков. Так и сердце княгини вдруг затрепыхалось: «Будь здорова»... Каждый день чувствовала Велена свою вину перед любимым Гнежкой, каждый день, встречая в переходах Миладу или ее сестер, чувствовала горькую тоску и тягостную боль. «Будь здорова»... Ведь каждый дружинник уже понял, что прекрасная лебедушка оказалась с изъяном, ведь каждый дворовый уже знал, что малиновый куст затаил в себе ядовитую гадюку... Неужели никогда не будет у Велены счастья стать матерью славному наследнику князя? Неужели так и придется ей жить, в стыдливом молчании отворачиваясь, когда обратятся к ней?

Велена посидела еще немного и, не выдержав, наконец наклонилась к уху Гнежко:

– Свет мой, я утомилась сегодня, позволь пойти отдыхать?

– Лети, лебедушка, – украдкой тронув ее чуть вздернутый нос, кивнул Гнежко. – Оставляй меня скучать по тебе.

– Встреча после расставания слаще меда, – ответила она ласково.

Бережно тронула княгиня плечо князя на прощание и отправилась в покои. За ее спиной послышались первые слова ясенки – веселой песни, которую обычно поют под окнами молодцы, выманивая девушек на вечерние прогулки.

На горизонте, далеко за пределами Северной Полмы, уже занималась нежная весенняя заря, когда Гнежко, усталый, но переполненный радостью, тихо отворил двери в опочивальню. В приятном полумраке комнаты виднелось роскошное спальное место, устланное шкурами, каждую из которых князь знал, как другие помнят детские песенки. Он любил перебирать мех, любил приятный запах шерсти, и никуда было не деть *вильчурову** кровь, дикую кровь, текущую в его жилах. Волк – он и есть волк, сколько бы поколений не отделяло его от славных предков. Гнежко беззвучно притворил дверь, снял на пороге сапоги и направился к груде меха. Там, среди шкур, должна была отдыхать его возлюбленная голубка, его нежная синичка Велена. Она не будет сердчать, не будет обижаться, что он так загулял, только обнимет крепко-крепко и прижмет к сердцу. Осторожно двигался князь

в потемках, не зная, что движется навстречу той беде, о которой и слов не сказать, и мыслями не помыслить.

– Веленушка, – ласково позвал Гнежко, протягивая руки к мехам. – Голубка моя... Спишь?

Но руки так и не нашарили Велену, будто и не было ее здесь. Кровать холодна, а меха разбросаны, словно кто метался в бреду или того пуще – боролся. Гнежко нахмурился и огляделся получше... И только тогда привлекло его взгляд тихое движение, только тогда услышал он тихое дыхание. Но раздавалось оно не с кровати, а с пола. Там, в самом углу под запертым окном, согнувшись, сидела простоволосая и босая Велена.

– Солнца свет! – Воскликнул Гнежко и поспешил обойти кровать, чтобы поскорее поднять жену с холодных и жестких половиц. Велена обнимала белыми руками себя за колени. – Поднимайся... что же ты не в постели?

Он протянул к ней руки, но она – то ли почудилось в полумраке, то ли нет – посмотрела ему в лицо с опаской. Он поднял ее на ноги и оторопел: белая кожа в синяках и укусах, словно зверь изорвал. Гнежко задрожал.

– Велена, кто это сотворил с тобой? Отвечай мне, Велена! Кто помял крылья твои, лебедушка моя белоснежная? – Он обхватил ее крепче, стал прижимать и целовать. – Кто тот злодей, что посмел обидеть мой свет? Назови мне имя, назови, и я уничтожу его!

Велена слабо обнимала мужа за плечи, и не было в ее гла-

зах ни слезинки. Она только смотрела в сторону и тяжело дышала, будто кто стоял у нее на груди.

– Ответь же мне, нежная моя голубушка, не молчи, умоляю тебя!

И тогда посмотрела Велена снизу вверх в синие глаза князя Гнежко и тихо произнесла:

– То был ты, светлый князь.

Гнежко не мог поверить своим ушам. Голос его задрожал:

– За что ты так жестока ко мне, Веленушка? Неужто я словом или делом когда-то обидел тебя? Неужели заслуживаю я таких слов?

– Ты приказал говорить мне правду. Я говорю то, что знаю, мой сокол. То был ты, кто пришел ко мне.

Сказала – и опала в руках Гнежко подкосившимся в бурю деревцем. Князь подхватил ее и опустил в кровать, укутал и, как был босой, бросился за помощью.

Оба брата, Гнежко и Лучезар, сидели в саду за княжьем теремом. Светлую княгиню оставили на попечение доброй Андины и сенных девушек, чтобы выполняли те все наказы бабки-*чаровницы**, старой Зайчихи, пришедшей из своей избушки в Угольном Конце Застеньграда. «Не те следы тебя волнуют, князь. Пусть волнуют те отметины, что на *благости** остались, о них печалься». Гнежко и Лучезар долгое время молчали, не смея проронить ни слова. Каждый крепкую думу думал и не спешил начинать речи. Наконец, Лучезар проговорил:

– Кто смеет оборачиваться другим человеком, натягивать на себя княжий лик, будто рубаху? У кого есть силы на такое зверство?

Гнежко хмуро покачал головой:

– Не знаю я дивовищ, которые могли бы такое, Лучезар.

– Ты подумай, – Лучезар заломил шапку на затылок и подался вперед, поближе к брату. – Не умеют ни *чуды**, ни *ламань** оборачиваться человеком. А этот сумел не только всех обмануть, но и княгиню одурманить. Не простой это кокора, и не *аркуда** из лесу вышел, и не чуд постарался.

– Ни чудов, ни кокор, ни тем более аркуд я не встречал. Чуды давно попрятались, ламаны затаились, а аркуды – те, может, и сгнули вовсе. Даже если бы это и был аркуда, не способен он принимать облик другого человека.

– О чем я и толкую, – Лучезар понизил голос, будто желал сокрыть свою мысль от деревьев. – Если это дивовище, то намного сильнее всех, что нам доводилось знать.

– Но кто? Кто? – Гнежко в бессилье взглянул на Лучезара. Сердце у того заныло пуще прежнего, до того несчастен был старший брат.

– Кто бы то ни был, – медленно проговорил Лучезар, – есть у меня на него управа.

– Я люблю тебя за твой пыл и отвагу, брат, но то моя забота, – вздохнул обреченно Гнежко. – Не дам я тебе рисковать собственной жизнью только потому, что не уследил я за своей княгиней.

Лучезар вспыхнул:

– Я давно не малый ребенок, Гнежко. Я сам могу решать, когда мне рисковать головой, а когда нет. И ради брата и моего князя я готов хоть в Аркадак и обратно.

Гнежко с нежностью посмотрел на Лучезара. Тот не был давно несмышленным юнцом, но никак не отучить старшего следить и оберегать. Как наказала перед смертью мать, так Гнежко и держит слово: защищать и не давать в обиду. И только сейчас князь вдруг понял, что Лучезар уже вырос и возмужал, и не борода, не воинские подвиги, не жена тому доказательство, а крепкое слово. Теперь не один Гнежко в ответе за младшего брата, но и тот в ответе за счастье старшего, за счастье своего князя.

– И что же это за управа?

– А ты позабыл про мой меч? Он не только головы сечь способен, но и дивовищ усмирять.

Гнежко сдвинул брови и еле удержался, чтоб не цокнуть языком:

– Лучезар, меч твой чудесен, но зря ты веришь в эти сказки. Дивовищи – та же кровь и плоть. Любой меч отрубит дивовищу голову, но не каждый мечник это сдюжит.

– А вот посмотришь, – подмигнул Лучезар. – Я с тобою отправлюсь сторожить княгиню этой ночью. Уж если наши мечи против дивовищ – одно и то же, то два меча всё равно лучше, чем один.

Гнежко нечего было на это сказать. Запретить Лучезару

выполнять свой долг было бы блажью, а потому князь обреченно кивнул. И принялись они ждать заката солнца.

Велена только лишь устало посмотрела на мужа, когда он рассказал ей, что будет ждать за притворенной дверью: «Ничего не бойся! Клянусь тебе *Еромой-матушкой**, ни одно дивовище не обидит тебя этой ночью».

Кмети стояли по всем переходам. Девиц и детей заперли в клетях. А князь и Лучезар затаились у самых дверей, за которыми Велена ждала ночного гостя. Уже вошла луна и осветила двор, собаки устали брехать и спали вповалку. Только где-то по поверхности воды в колодце плавал деревянный черпак.

Гнежко уже отчаялся. Неужели не явится злыдень на эту ночь? Неужели не поймать и не наказать его? Но вот Лучезар приложил палец к губам. Они прислушались. За дверью скрипнули половицы.

– Постой, – осадил рванувшегося было Гнежко Лучезар. – Не торопись, иначе упустим...

Как невыносимо долго тянулись мгновения! Гнежко держал руку на рукояти меча, ладонь вспотела, а Лучезар всё еще придерживал брата за плечо... Послышался глухой стук и вскрик Велены.

Не помня себя, Гнежко со всей силы толкнул плечом дверь. Лучезар выхватил меч. В полутьме комнаты, освещенной лунным светом, на мехах лежала бледная Велена, а над ней – человек. И вот диво: похож был он на князя, что слеза

на каплю дождя.

– Попалась, тварь! – Вскричал Лучезар и хотел было броситься вперед, как вдруг...

Человек распахнул рот... И лицо Гнежко, подставного Гнежко, стало рваться, будто кусок слишком тонкой ткани. Замер Лучезар, в отвращении глядя на чудовище, а то вдруг стало помогать себе руками, отрывая куски шкуры и волос, и вот уже вместо лица – дыра, а из дыры в мгновение ока вверх, к самому потолку вылетел...

– Убереги нас Благо, – выдохнул Гнежко. Тело двойника упало на пол и тут же истаяло, будто снежный сугроб. А вместо него почти всю комнату заполнил... *змиулан**. Морда его походила на морду гадюки, но была намного крупнее лошадиной, а тело... в три кольца оно свернулось, чтобы поместиться в покоях. Змиулан захохотал, распахнул кожаные крылья – и затрещали стены, закачался пол под ногами князя. Зашипел гад и засвистел, да так громко, что потолок задрожал:

– Ну здравс-с-ствуй, князь! Я к тебе с вес-с-сточкой от хозяина.

Крикнул тут Лучезар брату Гнежко:

– Уводи княгиню!

А сам, не раздумывая, бросился вперед, будто не видя гигантских клыков, будто не было огромной крепкой чешуи и будто бы не говорила тварь человеческим голосом.

Гнежко опомнился и стремглав метнулся к Велене, а та

сразу оплела его своими руками и заплакала. Князь подхватил легкую ношу и обернулся.

Лучезар трижды успел нанести удар, но все три раза отбивал змиулан меч, словно тот был деревянным, а не стальным. Раз – отбил когтями, два – отбил хвостом, три – отбил клыками. Гнежко выпрыгнул прочь из комнаты и закричал, чтобы скорее мчалась на помощь дружина и все, кто держит оружие.

А Лучезар уже перешел в оборону: оглушительно зашипел змиулан, шевеля мясистым языком, а потом трижды коротко выпадал вперед, пытаясь перекусить человека. Лучезар оказался прижат к стене, и тут бы ему закричать о помощи, но вспомнил он собственные слова, вспомнил, ради кого здесь находится, и что есть силы стал напирать. Удар за ударом, но всё мимо: был змиулан быстр и ловок. Понял тогда Лучезар, что хитростью нужно брать, а не силой. Ударил раз, еще ра, и вдруг указал в окно:

– То не твой хозяин ли летит?

Змиулан поворотил морду в окно, и Лучезар со всей силы рубанул мечом по брюху гада. Засверкал тогда меч, заискрился, будто из солнца выкован, и осталась на брюхе змиулана глубокая дыра. Хлынула из раны кровь и попала на лицо Лучезару, отскочил он в сторону – и вовремя. Змиулан взвыл и забился, огромные крылья хлопали по стенам и потолку, сбивали лавки, опрокинули стол. Черная кровь хлестала из раны, и всё ж гибкое чешуйчатое тело пару раз так

ударило Лучезара, что он упал.

– Поздно! Поздно! – шипел и корчился от боли змиулан. – Кривдой все сделано! Сделано!

Гнежко и дружина ввалились в покои, змиулан зашипел еще громче, плюясь черной пеной, и всей оставшейся силой выбросил себя в распахнутое окно.

Взвыли собаки, послышался треск, но только Гнежко подскочил к окну, как мимо пронеслось черное, залитое кровью тело, взметнулся ветер от могучих крыльев, и змиулан стал набирать высоту.

– Поздно! Поздно! Сделано дело! – шипел он, окропляя кровью двор, перекрикивая взбесившихся собак. – Поминай меня, Гнежко! Кривда выполнил договор!

Слова эти были слышны, пока змиулан не поднялся на такую высоту, что различить его стало в ночном воздухе почти невозможно. Гнежко опустил глаза: разбитый проем окна был окрашен черной кровью, но ни капли не попало на князя.

– Где мой брат? – обернулся князь к дружине. – Где Лучезар?

Тело Лучезара лежало там, где он упал – у дальней стены. Гнежко опустился к нему и с содроганием взглянул в лицо, залитое черной кровью. Да то не кровь была, а яд – прекрасное, вечно светлое лицо Лучезара было словно кора, изъеденная мелкими жуками. Всегда распахнутые глаза ввалились, вечно улыбающиеся губы иссохли, а шея, на которой

носил он амулет покойной матери, будто старая гнилая ветка, превратилась в труху. Выполнил Лучезар обещание, избавил брата от страшной напасти, но заплатил за это собственной жизнью. Меч Лучезара, чье солнечное сияние никто так и не увидел, валялся в стороне и не отличался теперь от любого другого.

– Не уберег я тебя, не выполнил наказа матери...

Гнежко закрыл лицо руками и горько зарыдал.

Глава вторая. Суженицы

Не приходит беда одна, а приходит она с подругами – горем и злосчастьем. Не успел оплакать Гнежко потерю Лучезара, не успели высохнуть слезы на в одночасье постаревшем лице, как оказалось, что княгиня ждет ребенка.

После приключившегося не только сам князь, но и все думали и гадали: не от змиулана ли дитя под сердцем Велены? Не вынашивает ли княгиня дивородка, противного богам и лишённого благости? Потерял Гнежко сон и аппетит, не мог больше охотиться и не хотел больше пировать. Дружина его подбадривала, да толку от слов, что дыма от воды. Тем более понимали они, что тут речами не поможешь.

Одна Велена была спокойна и, казалось, расцветала, будто цветок под солнцем. Гнежко то и дело заставлял ее за рукоделием: то портишки крошечные сошьет, то подушечку для колыбели вышьет. Князь жену не попрекал и слова не смел ей сказать. Только наедине с собой всё думал: чей-то это будет младенец? Его или же змиулана? Был бы с Гнежко Лучезар, он бы сумел найти заветные слова, он бы научил, как жить с этими сомнениями. Да только Лучезара похоронили, уложили завернутое в полотно тело камнями, засыпали землей, и каменщик вытесал волчью голову – нет Лучезара. Андина каждый день ходит к камню и льет горячие слезы, и страшна ее участь.

Однажды повстречал во дворе князь Миладу. Бегала она с мальчишками, не заметила дядю и наткнулась на него, чуть не упала. Подхватил ее Гнежко и удержал.

– Вот же девица-сорванец, всё не успокоишься! – ласково проговорил Гнежко, ставя Миладу на ноги. Было ей тогда отроду пять лет.

– Если мне не бегать, я тогда умру, – простодушно ответила малышка, а Гнежко хоть и содрогнулся внутри, но с улыбкой спросил:

– Отчего это ты умирать собралась?

– От тоски, дядюшка.

И убежала – только пыль под ногами. Еще хуже тогда стало Гнежко: если бы запретил он тогда Лучезару лезть вперед, если бы предостерег... Да былого не воротишь. Андина бродит по терему тенью, даже сына-крошку почти не видит, а раньше каждый день ему пела и давала поиграть бусы, которые Лучезар подарил. Нет в тереме больше счастья, только одиноким угольком на пепелище сверкают радостные глаза Велены.

– Благушка моя, – говорила она Гнежко. – Я сегодня услышала, как его сердце стучит. Тихо так, будто капельки дождя по лопуху: стук-стук-стук.

– А ты уверена, что это – он? – с внутренней боязнью спрашивал Гнежко. – То может и девчонка, раз так быстро сердечко стучит.

– Нет-нет, – покачала головой Велена, расчесывая воло-

сы. – Я уверена. Это будет сын. Твой наследник.

– А имя ты ему выбрала?

– Пока нет. Успеется еще, не всё же сразу, – чисто и весело рассмеялась княгиня, а у Гнежко внутри вороны крыльями хлопнули.

– Ты так сияешь, сердце мое, – обращался князь к княгине. – словно не было тех двух страшных ночей, будто не рассмотрелись ясные глаза твои на те ужасы.

Тогда по лицу Велены пробегала тень, но тут же развеивал ее солнечный свет.

– Какой же я была бы княгиней, если бы оказалось, что сердце у меня заячье? А что было, то было. Думай о том, что есть сейчас, свет мой.

И Гнежко умолкал, понимая, что во многом Велена права. Но не думала счастливая княгиня о словах змиулана, не думала она, отчего змиулан вдруг решил сотворить черные свои дела, не думала о словах Кривды-змиулана о неведомом хозяине, не думала она и о том, что скоро мир поменяется.

Болигор, добрый и отважный дружинник, первым высказался перед князем о том, что появление змиулана так далеко на юге – небывалое дело: «Кто бы сказал мне, что видел змиулана и слышал его навье шипение, я бы решил, что передо мной пустобрёх, и залепил бы ему хорошую затрещину, чтобы не нес околесицу! Но я видел тварь собственными глазами, как вижу тебя сейчас, князь, и потому я спрашиваю:

неужто диволюды решили затеять войну?». Болигор предлагал отправить два десятка конных на север, в Силяжские пустоши, дальше озера Искреш, пусть проведуют. Но Гнежко запрещал кому бы то ни было переходить дальше того рубежа – опасное это дело, до сих пор те земли кишмя кишат диволюдьем, а терять дружинников или мечников просто так он был не готов. Не так давно Застеньград был нищим городом, лысым и пустым. Сколько сил ушло на то, чтобы нарядить его и оживить. А ну как пропадут разведчики запросто так? А ну как повяжут их за нарушение границ? А ну как посчитают это чуды или еще кто объявлением войны? Не дело подвергать едва поднявшийся, будто цветок из пыли, город новым опасностям. Потому послал Гнежко только нескольких конных до Искреша и обратно, лишь бы дружинников успокоить. Ничего не нашли, ничего не увидели разведчики: тишь да гладь, пустыри да леса.

А зимой, когда Мачеха Метель плясала свой танец со Стокрылым Ветром, когда замерз Порог от берега до берега, почувствовала княгиня Велена, что пришло время. Привели Зайчиху, нагрели воды, Гнежко сам довел вскрикивающую от боли Велену до входа в баню.

– Дальше не пущу, – строго прошамкала Зайчиха. – Если не хочешь разгневать богов, иди и жди в тереме! – и затворила дверь.

Металась Велена по полатам, кричала истошно, а Зайчиха приговаривала, отирала лоб княгини водой. Скрипела кры-

ша, стонали стены от порывов метели, а Велене всё было жарко, будто изнутри ее жгло подземным волозаревым огнем. Всю ночь бушевала буря, всю ночь княгиня сражалась с пламенем. И только под самое утро услышала Велена крик новорожденного. Не было у нее сил даже взять дитя в руки, лицо ее побелело, некогда алые губы стали, будто васильки, синими. Зайчиха суегилась и старалась, но чувствовала уже княгиня приближающийся конец.

– Приведи мне Гнежко, – с трудом выговорила Велена. – Приведи моего мужа.

– Нельзя, не могу я, – стала отнекиваться Зайчиха.

– Я умираю, так дай мне сказать последнее слово князю моего сердца.

Когда позвали Гнежко, он тут же бросился к Велене. Ухватил ее ледяные руки и уткнулся лбом в ее ледяной лоб. Словно сама Метель охолодила тело княгини, словно сам Стокрылый Ветер затушил пламя.

– Солнечный свет мой, – тихо проговорила Велена. – Я покидаю тебя и покидаю нашего сына. Но если есть на том свете хоть единая надежда послать вам весточку, я сделаю это. Не забывай меня, мой свет. Заботься о нашем сыне, о твоём наследнике. Я так хотела осчастливить тебя... И наконец-то я сумела... Прощай, мой свет.

Она вздохнула последний раз – и умерла.

В тот миг разбилось сердце князя. В тот миг померкло его солнце, затянуло тучами его звезды и туман застлал его

дорогу. Горько плакал он над холодным телом своей светлой княгини, не смея отпустить ее руку.

Долго или коротко, но Зайчиха проговорила негромко:
– Князь, взгляни на свое дитя. Дай ему имя.

Только тогда вспомнил князь о том, что стал отцом. Он поднялся, утер лицо и взглянул на младенца. Как и загадывала Велена, то был мальчик, да только не успела она наречь его человеческим именем. Ничем этот младенец не отличался от обычного младенца, будто бы и не был он выдвьем. Но где то видано, чтобы рождилось человеческое дитя столько времени? Где это видано, чтобы такая Метель бушевала той ночью, когда на свет появился человеческий наследник? Гнежко взял младенца на руки и заглянул в его сморщенное личико...

– Гореслав.

Он вернул младенца Зайчихе и молча вышел прочь, не оборачиваясь назад и не особо заботясь о том, что впереди.

Третью ночь оплакивал Гнежко светлую княгиню. Третью ночь уливался он горькими слезами над детской колыбелькой. Младенец был тихим и только внимательно смотрел снизу вверх на залитое слезами лицо князя. Гореславом нарек его князь, потому что в горе он зачат, в горе рожден, в горе ему и расти.

Гнежко покачивал колыбель и смотрел на Гореслава, а тот смотрел на него, и чудилось князю, что младенец всё пони-

мает и всё ему ведомо: и то, что мать его умерла, дав ему жизнь, и что дядя его умер, спасая ее честь. И злился Гнежко на младенца, на его ясный взгляд, на его серьезное лицо – отчего выдивью дана жизнь в обмен на две человеческие? Отчего Гнежко сидит здесь глубокой ночью, покачивая скрипучую колыбель, а не спит в мехах со своей светлой княгиней? Отчего Гнежко смотрит в лицо этому младенцу, а не слушает веселые речи своего младшего брата?

Слезы падали из красных глаз князя в колыбель. За окном бушевала метель, уже третья с момента рождения Гореслава. Качался вдали Аркадак, скрипели дубы, стонала земля.

То ли уснул Гнежко, то ли нет, но вдруг отворилась дверь и вошли три девицы. Поначалу Гнежко даже не обратил на них взгляда: пришли перепеленать младенца или провести князя... Но заметил, что были они простоволосы, одеты в белые платья, у каждой – огонек в руках. Гнежко отстранился от детской люльки и выпрямился. Три девицы молча встали полукругом у колыбели и замерли. Лица у них были ясные, молодые, тела юные и гибкие. У старшей на голове был медный обруч, у средней – серебряный, а у младшей – золотой. Гнежко замер, и только когда они заговорили, вдруг понял, кто перед ним.

– Я нарекаю ему препятствия и несчастья, – негромко произнесла первая, старшая из девушек. – Будет ему сложно и страшно, будет он везде чужим.

– Восстанет он против отца, обратит оружие в сторону ро-

дителя, да только начало это будет его долгого пути, – продолжила вторая.

Наступил черед младшей из девиц. Она наклонилась над колыбелью, заглянула в румяное личико Гореслава и прошептала:

– Я нарекаю ему великое будущее. Свершит то, что ни один живой человек не сумеет. В веках останется его имя и не будет живого существа в Великовершии, кто бы не знал его имени.

То были *сестры-суженицы**, дочери Иномера, да только видел их Гнежко, когда сам был младенцем, а потому и не помнил, не узнал их сразу. Сердце князя забилося дробно, словно ретивый конь помчался. Были слова сужениц грозны, будто раскаты громовержца Гнежа. Молчал князь, во все глаза смотрел, но пошевелиться не мог. Опомнился он, только когда сестры уже были у самой двери:

– Пойдите! Пойдите! Что же значит «великое будущее»? Будет ли будущее у ребенка, который вырастет, как цепляй-трава, поливаемая слезами? Будет ли великое будущее у того, кто... восстанет против отца?

Тогда обернулась младшая из сестер и грустно опустила голову. Прошептала она слова, от которых Гнежко похолодел:

– Его ждет великое будущее, князь. Но будет то будущее славным и добрым или будет оно устрашающим и черным... То ни нам, ни птице-баюнице не ведомо.

И так же тихо, как и появились, так же тихо и исчезли они, будто всё князю приснилось. И остался Гнежко один на один со всей своей тревогой. Будто кто развесил по его плечам тяжесть невиданную, так тяжело стало ему, так горестно. И лишь в колыбели, накрытый вышитым покойной княгиней одеялком, мирно спал маленький наследник рода, нежеланный змеерожденный Гореслав.

Глава третья. Волх Змеерожденный

Неведомы матушке Ероме совпадения, не творится на ее просторах ничего случайного. Так и случилось, что после рождения Гореслава, змеерожденного младенца, год за годом всё хуже стало житье в Северной Полме. Как речная волна размывает песчаный куличик, так размыло границы времен года. Через пять лет после рождения Гореслава зимы удлиннились настолько, что порою Ясницу приходилось встречать, когда снег на полях еще не сошел. Лето стало дождливым и холодным и куда больше напоминало осень. Солнечные деньки для полмыков теперь – редкий праздник, да и не до радостей и забав теперь: урожая то побьет морозом, то затопит дождями. То голод, то болезни одолевали жителей Застеньграда. А где несчастья, там и слухи. Начали шептаться, стали косо поглядывать на маленького княжича, ведь именно с его рождением совпали горести честных людей. Никто уже не сомневался в том, что сын князя Гнежко – выползок змеиный, не простой человеческий младенец, а наполовину дивородок. Спрашивали Зайчиху, не было ли чешуи на новорожденном, не были ли у него хвоста, не кусал ли он грудь Велены, как только был рожден на свет, да только молчала старуха и поджимала губы.

Через год после смерти Велены случилось еще одно горе у Гнежко: разграбил какой-то разбойник могилу Луче-

зара. Сдвинут и расколот памятный камень, разрыта земля, выброшены булыжники – решил кто-то надругаться над останками любимого княжеского брата. Больно было Гнежко, да как он ни бился, не нашел злодея. Сорвал разбойник медальоны покойника, выкрал из высохших рук меч и будто сквозь землю провалился... Не знал Гнежко, что заветное то оружие, не видел его силы, а потому захоронил брата с волшебным мечом, не подозревая, как следовало бы охранять такое сокровище... Да что теперь думать – пропал меч, разграблена могила безбожником. Перезахоронили останки княжеского брата, зарыли глубже, камнями заложили, и вытесал каменотес новую волчью голову, еще больше и красивее предыдущей. Гнежко же еще долго ходил смурнее тучи, долго еще боялся, как бы какой лиходея не осквернил могилу светлой княгини...

Шептались люди, называли за глаза маленького княжича выползком, а сами боялись его как огня. Бывало, играл княжич, еще совсем крошка, у ворот детинца, а люди страшились мимо него проходить. Один торговец клялся, что видел, как младенец голыми руками душил дворовых щенков, а другой уверял, будто растет змеиный хвост у маленького Гореслава.

А сам же Гореслав рос крепким и сильным, никогда не болел и не хандрил. «Вобрал в себя две человеческие жизни, вот откуда силы и здоровье!» – думал про себя Гнежко, исподлобья наблюдая за забавами сына. Любил ли он Горесла-

ва? Самому ему было неведомо. Чувствовал, что ребенок растет спокойным и незлым, но накрепко запомнил также и слова сужениц, и не давали они ему покоя. Тяготило и тяжкое одиночество, которое отныне поселилось в его сердце. Были ли бы живы Лучезар и Велена – сумели бы найти слова, чтобы отпустило Гнежко беспокойство и подозрение... Но лежат они в могилах, камнями заложены, землей загорожены, и некому помочь Гнежко воспитать младенца...

Однажды выехали большой толпой за Порог погулять, погонять застоявшихся лошадей, пострелять уток, что то и дело подлетали к реке. Взяли и детей, и жен – кому же неохота порадоваться редкому солнечному деньку? С князем поехала Андина, ее четверо детей и Гореслав. Было ему тогда три года, и пока из слов он знал всего ничего.

Только отвернулся тятка, всматриваясь в облака, глядь, а малыш отполз куда-то под ракитовый куст, и слышно, что болтает с кем-то на своем детском непонятном наречии.

– Гореславушка, князюшка, куда же ты уполз от меня, свет мой? – привычно ласково позвал тятка, но тот даже не обернулся. Подошли тогда к Гореславу, а он знай весело заливается. Нагнулся тятка и похолодел от ужаса: рядом с княжичем кольцами змея вьется. Играет с ней княжич, как с котенком, бает что-то, а змея шипит и плавно покачивается. Вскрикнул тятка, схватил малыша и поднял в воздух. Это он позже понял, что был то лишь желтоухий уж, безопасный друг в играх, да страх надолго остался у всех, кто присут-

ствовал при том случае. В детинце перешептывались, что Гореслав змеям друг и родич гадам, что знает он их язык и может приказывать им, что душе угодно.

Уже в пять лет Гореслав уверенно держался на коне, а в семь приставил к нему Гнежко вместо тятки мудрого старика Светла и доброго дружинника Белотура, дабы воспитывать мужа и в ратном деле ученого, и в делах мирских сметливого. «Да не быть ему князем, кто за таким пойдет?» – думал Гнежко, но не смел перечить словам сужениц и воле Иномера, честно, хоть и неохотно, воспитывал мужа и наследника.

Белотур не мог нарадоваться на ученика: как быстр, как ловок, как легко двигается и как легко всё схватывает! Гореслав радовался похвале, но всё искал одобрения светлого князя. Бывало, удастся ему обхитрить Белотура, увернуться от коварного удара и самому шлепнуть деревянным мечом наставнику под коленом, и тут же взгляд обращал в сторону крыльца, где отдыхал от дел Гнежко. Но князь молчит, нахмурившись, а сам нет-нет да и сравнит быстрые прыжки сына с выпадами подлой гадюки: вот сейчас увернется и выбросит вперед зубастую морду... Не скажет Гнежко доброго слова сыну, не коснется его, как ласково касаются своих детей любящие родители. Одно сомнение в душе князя, будто густой туман.

– Дядя Светел, – спрашивал порою Гореслав. – Отчего мой отец всегда так хмур?

– Не болтай, поймешь когда-нибудь. Читай вслух.

– Дядя Светел, а почему отца моего будто Метель осыпала, хотя молод он еще?

– Не отвлекайся, вырастешь – узнаешь. Считай дальше.

– Дядя Светел, а правда, что прилетал к нам змиулан Кривда?

Тут уж Светел не выдерживал и давал княжичу подзатыльник за пустословие. Гореслав давно заметил, что любой вопрос о диволодах или навьях в стенах терема был запрещен. Никто не смел упоминать диволодов, если только речь не шла об их страшных вредительствах. Гореслав вырос, и вопросов становилось многое множество. В шесть лет он сбежал из детинца и отправился один на могилу матери. Спихватились только к вечеру, стали искать по всему детинцу, кликать по улицам. Нашел малыша Болигор: спал Гореслав на могиле матери, обняв памятный камень двумя ручонками. И так сладко ему было, будто бы на мягкой перине уснул. На могиле, как только положили в нее светлую Велену, посадили барвинок, да такой густой, что казалось, лежит Гореслав в зеленом море. Подошел Болигор тихо к чаду, подхватил на руки, и увидел, что среди цветов проклюнулась тоненькая березка. Когда рассказал он об этом Гнежко, тот вздохнул: «Говорила мне Велена, что найдет, как восточку передать... Березка-плакальщица – это от нее печальный привет».

Часто случались грозы и бури, но тонкая березка не лома-

лась, тянулась к холодному солнышку и всё росла и росла, как и Гореслав. Случилось однажды, что выпал снег в конце весны, покрылась березка ледяной коркой. Замерзли в тот год попрошайки на улицах, не взошли травы весенние... А березка выжила, хоть и потрескалась на ней белая кора.

Бывало, грезилось маленькому Гореславу, что сбежал он в лес Аркадак, стал диким и опасным, будто племя лесных диволоудов. Мечталось ему, что станет он жить один, будет питаться ягодами да кореньями и изредка вести беседы о птицах со старыми ламанами, которые помнили еще Кокорову Сечь и могли знать, откуда приходит весна. Казалось маленькому княжичу, что только в темной неведомой глуши Аркадака найдет он то, что так отчаянно искало его сердце... Да только куда он денется из детинца, от пристального взгляда Светла?

Было Гореславу десять лет, когда поссорился Гнежко с Горуверской землей. Ездил в поход, да не вышло битвы: постояли дружины друг напротив друга, но порешили миром. Правда, с тех пор удвоил князь дань со всей Северной Полмы, чтобы содержать мечников, нанятых из Полмы Южной. Охраняли южане границы, объезжали владения. Не понимал маленький Гореслав, почему ссорятся люди, не было в нем воинского задора. Гнежко взялся объяснять ему, что такое интересы княжества, да не понял Гореслав толком ничего, только услышал, что в Горуверской земле выдивьи не живут и тут же спросил:

– А почему?

– Князь Гарияр давно закрыл границы для дивьих выродков, – объяснил княжичу Светел. – Потому они все и ползут к нам.

– Потому что у нас хорошо?

– Потому что покойная княгиня добра была и терпелива... Усмирила гневливость князя, уговорила уговорами пускать выдивьев в Застеньград.

Не было друзей у Гореслава, кроме дворовых собак. Даже Бранко, младший сын Андины и покойного дяди Лучезара, самый близкий к Гореславу по возрасту, не хотел водиться с ним. Прятался от княжича, ускользал, будто птица из рук: не хотелось ему дружить с Гореславом, не хотелось, чтоб видели его со змеенышем. Но всё же повезло княжичу найти себе друга, и было это так.

Однажды сидел Гореслав на ступеньках терема и вытесывал из деревяшки себе лошадку. Был то вечер, промозглый и ветреный, но не хотелось Гореславу прятаться в тереме и прислушиваться к шагам отца. На лавочке внизу уселись сестры Лучеразовны, болтали и хихикали, иногда пели. Больше всего нравился Гореславу голос Милады, старшей сестры. Чистым, глубоким он был, будто колодезная вода, а когда пела Милада, то закрывала глаза, словно не волновали ее восторженные взгляды слушателей. Мимо крыльца проходил хромой выдивий Граб, единственный из оставшихся в живых в детинце. Двое других умерли с разницей

в год, но то и неудивительно для дивородков: короткий у них век, не в своих родителей. Граб нес дрова в сторону кухонной клетки, волоча ногу медленно и осторожно, но не послушалась она, споткнулся и упал. Громко рассмеялись младшие из сестер Милады, стали показывать пальцами и перешептываться.

Граб, видно было, ушибся сильно и подняться сразу не мог. Встал тогда Гореслав, было ему тогда десять лет, подошел и протянул руку.

– Давай помогу.

Вскинул тот на княжича глаза, опасаясь: не обманет ли, не насмеяется ли? Девицы на лавочке замолкли и следили, что же будет дальше.

– Вставай, чего ты?

И Граб принял руку княжича. Когда поднялся, стал благодарить, стыдливо отводя взгляд. Хоть и был он в два раза старше Гореслава, но в помощи нуждался и отказаться не сумел. Гореслав покраснел и помог Грабу.

– Зря стараешься! И двух шагов не пройдет – снова рухнет! – слышался смех одной из младших Миладиных сестер.

– Ноги что прутья, вот-вот переломятся! – подхватила другая.

Гореслав обернулся и посмотрел на них. На мгновение ему показалось, что и Милада что-то скажет, но та промолчала, внимательно наблюдая за княжичем. Гореслав вложил

последнее полено в руки Грабу и коротко произнес, как отрезал:

– Дуры.

Девицы ахнули и уставились на него с удивлением, потом вроде бы решили заплакать, но тут младшая высунула язык и выкрикнула:

– Выдивий!

– Выползок змеиный! – поддержала вторая сестра и тоже скривила лицо. Тут уж Милада не смолчала, цыкнула на них, а когда обернулась было к Гореславу, чтобы сказать ему что-то, тот уже поднимался по ступеням и вскоре исчез в тереме. Таилась в сердце Милады тайна, и не было никого, кому бы раскрыться. И только княжич порою казался Миладе тем, кто понял бы ее и утешил, как и она его понимала и утешала, когда был он еще совсем младенцем и плакал долгими дождливыми ночами...

С тех пор, встречаясь во дворе или в тереме, Гореслав и Граб украдкой улыбались друг другу. Иногда вечером княжий сын находил выдивья на заднем дворе: тот колол дрова или таскал воду для умывания Миладе и ее сестрам. Тогда Гореслав садился неподалеку и молча наблюдал за Грабом, не мешая разговорами. Несмотря на слабые ноги, руки у Граба были сильными, и колол дрова он ловко и быстро.

– Я хожу плохо, спору нет. Но вот стоять – это я умею, – сказал как-то Граб, заметив заинтересованный взгляд. Княжич засмутился и тут же отвел глаза в сторону. – Хочешь

смотреть – смотри, княжич, мне не жалко, – улыбнулся Граб. – Всё равно скоро на тот свет отправлюсь, а пока тут, хоть новое что узнаешь.

Гореслав удивился этой смелости и больше они друг друга не стеснялись. Постепенно Гореслав стал беседовать с Грабом обо всем, что приходило ему в голову. А Граб работал и слушал и никогда не отказывал в истории. Долго Гореслав присматривался к другу, всё боялся: вдруг лукавит? Но уже родился в его затянутой тучами голове вопрос, который требовал ответа, уже не терпелось спросить и выслушать...

– Граб, а скажи...

– Да, княжич?

– А правда, что я от змиулана рожден?

Граб помолчал. Были они в саду за княжьим теремом: Грабу наказали собрать яблок, а Гореслав пришел помогать, ведь он куда ловчее лазал по деревьям, чем Граб. Еще одно яблоко упало в мешок.

– Правда то или нет, – медленно проговорил Граб, глядя на плод, который протягивал ему Гореслав. – Не так уж и важно.

– Мне важно. Выходит, я чудами наворожен?

Граб покачал головой:

– Я расскажу тебе одну историю. Запомни ее хорошенько, княжич. В каждой истории есть доля правды, но только тебе решать, слушать ли голос Иномера. Матушка моя была из Горуверского княжества. Жила хоть и бедно, но мирно

и счастливо. Но скончался преждевременно ее муж, не смог-ла расплатиться вдова по долгам, и продали ее. Хозяин ей попался жестокий и злой, и однажды она сбежала. Думала сначала податься в Северную Полму, да только был тогда Застеньград нищим и голодным, куда одинокой беглянке здесь было деваться? Тогда отправилась она пешком, в чем была, в Силяжские земли: попытать там счастья и найти кров. Еле живой от голода и холода нашли ее чуды, отвели в Чудовец, на их языке – Околь. Приняли как гостью, обогрели и накормили. Никто не гнал ее, княжич, пока она была слаба. А ведь кто мог подумать, что чуды готовы давать что-то просто так, не надеясь на выгоду?

Но не может человек среди чудов жить, и пришло время ей двигаться дальше. Объяснила хозяевам, мол, так и так, а сын тамошнего правителя сказал моей доброй матушке: «Принеси мне самое прекрасное, что есть в Околе, тогда отпущу тебя. А не принесешь – станешь мне женой. Даю тебе три попытки». Долго думала матушка, и наконец принесла чуду свежий хлеб: «Знаю я, что такое жестокий голод. Прекраснее всего в вашей стране корочка хлеба». Но чуд ей ответил: «Не то самое прекрасное в Околе». Тогда принесла моя матушка чистой воды: «Ваши колодцы такие глубокие, что достают до самого Волозарева княжества. Нет прекрасней и чище воды, чем вода в Околе». Но чуд снова покачал головой. Тогда моя матушка принесла ему маленького котенка: «В Околе нет ничего ценнее свободной жизни». Но чуд

и тут отверг ее подношение: «Не угадала ты, милая. Принеси мне серебряное блюдо». Пошла матушка за ним, а сама думает: «Как я могла не догадаться? Серебро и золото ценят чуды выше всего». Принесла блюдо, отдала чуду, а тот поднес его к лицу матушки, показал на ее отражение и говорит: «Вот что самое прекрасное во всем Околе». И были бы они счастливы, если бы не отец этого чуда, который запретил сыну брать в жены человеческую женщину. Горевали они оба, плакали в объятиях друг у друга, но пришлось расстаться. Тогда и привела дорога мою матушку в Застеньград, но была она уже не одна, а со мною на руках... Тут и скончалась, едва исполнился мне год от роду.

Граб перенес ведро с яблоками к следующему дереву и продолжил:

– Нет у чудов помыслов наворожить себе выдивьев, не нужны они им. Страшятся они свою кровь человеческой разбавлять, брезгуют. А змиулан... Нет страшнее врага у чуда, чем змиулан Ящер, самый древний из Волозаревых змиев. Ни один чуд никогда не свяжется со змиуланом и ни один чуд никогда не заключит сделку с Ящером. Так что запомни: чуды навряд ли тебе родичами придутся, Гореслав.

Крепко задумался княжич после этих слов. День думал и другой думал, но никак не мог осознать услышанного. Если змиулан Кривда – его отец, то с чего это захотел змей себе наследника среди рода человеческого? А самое главное... что теперь делать Гореславу на этом свете?

То ли наябедничал кто, то ли сам Гнежко догадался, но сильно рассердился он на Гореслава за то, что тот водит дружбу с Грабом. Однажды маленький Гореслав подслушал разговор князя и Болигора. Невольно, неумышленно подслушал: собирал камушки во дворе у терема и оказался под окнами отцовских покоев. Ставни были распахнуты, и донеслись до Гореслав такие слова:

– Не быть ему князем. Не наследник он мне, Болигор. Разве кто пойдет за ним? За змеенышем добрые люди не пойдут, сам понимаешь. Да и ему милее с выдивьем дружбу водить, чем с человеком.

– Князь, зря ты так далеко заглядываешь. Он еще совсем ребенок, и никто не ведает, каким мужем он вырастет.

– Каким может вырасти тот, кто рожден от обмана? Тот, кто перешептывается с хитрым дивородком по темным углам?

– Да разве сделал он тебе что плохое? Отчего ты так зол на ребенка?

– А ты забыл, что Лучезар отдал свою жизнь? А ты забыл, что светлая княгиня скончалась, стоило только родиться Гореславу?

Болигор помолчал, а Гореслав затаился и прижался к стене, боясь, что его заметят. Сердце его тоскливо заныло, будто несмазанное колесо телеги.

– Думал я... что лучше было придушить его в колыбели, Болигор...

– Помилуй, Гнежко!

– Я доверяю тебе, как доверяю себе, потому и говорю тебе как есть. Поливал я младенца своими слезами, а сам думал: с чего мне не желать ему смерти? Тому, по чьей вине скончалась моя нежная голубка, моя единственная жена? Да испугался. Нельзя перечить воле Иномера и сужениц. Предрекли они младенцу великое будущее.

– Гнежко, благодать одна, не забывай. Не дело выжигать на ней такие мысли...

– Верно... Верно.

Гореслав не знал о том, что Гнежко хотел рассказать Болигору и о предсказании, которое обещало, что восстанет ребенок против своего отца, да передумал. Голоса стали удаляться: вышли из покоев князь и дружинник. Отскочил Гореслав от окна и помчался, куда глаза глядят. Сам не заметил, как оказался на могиле матери, бросился на землю и горько заплакал. Березка, выросшая у памятного камня, хоть и тонкой была, но ростом уже догнала самого Гореслава. Листочков на ней было мало, но ласково опустились ветки и будто бы приобняли безутешное дитя.

– Матушка, матушка, – рыдал Гореслав. – Никто меня на свете не любит, никому я не нужен. Будто бурьян расту в тереме, и каждый с презрением смотрит на меня, словно сделал я что-то дурное. Как мне жить, матушка? Как мне быть, родная?

Не заметил Гореслав, как кто-то подошел к нему и тронул

за плечо. Вздрогнул он, обернулся – перед ним стояла Милада. Вдали у дороги ждала ее Андина и младшие сестры, видно, на могилу отца ходили. Устыдился Гореслав своих слез, стал сердито вытирать лицо, а Милада посмотрела на него с грустью и заговорила:

– Гореславушка, не лей слезы. Не виноват ты в бедах, которые приключились с твоим отцом, нашим светлым князем. Не ты причина его горестей.

Подумал Гореслав, глядя на Миладу, перевел взгляд в сторону ее матери и младших сестер – и только горше стало.

– Не только матушка моя умерла, давая мне жизнь. Из-за меня погиб и твой отец, мой дядя Лучезар, – горько покачал головой Гореслав. – Не пойдешь ты тогда змиулана убивать...

Поменялось тут лицо Милады, словно скрылось ясное солнышко за тучами. Сдвинула она брови, блеснули ясные ее глаза почти сердито.

– Не было тебя тогда на свете, – строго сказала Милада. – Мой отец погиб, выполняя свой долг. И не ты причина, по которой он решил идти на смерть. Не бери на себя такую ношу.

Гореслав замолчал. Дул с Порога Стокрылый Ветер, и серебряные медальоны на очелье Милады покачивались и перестукивались, будто бубенцы. Девушка протянула руку Гореславу и помогла ему подняться. С тех пор Гореслав зарекся никогда больше не плакать.

Граба Гнежко приказал отослать. Случилось это так вне-

запно и скоро, что княжич и дивородок не успели даже попрощаться. Выбежал Гореслав на улицу, а Граба уже везут на телеге из ворот детинца. Только и успел одними губами произнести: «Прощай». Растерянный Гореслав также беззвучно прошептал: «Прощай, Граб» – и телега скрылась за воротами, будто и не было никогда в детинце выдивья, который стал ему единственным другом.

Обернулся Гореслав, чтобы пойти к себе, и заметил на крыльце князя. Тот молча наблюдал за сыном, строго сдвинув седые брови. И так больно стало Гореславу, так горько, что вся его нерешительность и всё его отчаянье разгорелось неистово и переплавилось в гнев.

Бывает такое, что, когда предшествовало твоей жизни какое-то горе, ты либо увязываешь всего себя с ним, пропадаешь в прошлом, либо же отрицаешь его и тщишься найти себя в настоящем... Гореслав отказался от горя в своем имени, данным ему нелюбящим отцом, и стал с тех пор Волхом.

Шли годы, Волх вырослел. К шестнадцати годам он стал собирать собственную дружину – небольшую, но верную. Бывало, гулял по Застеньграду, по торговой площади и наткался на попрошайку или нищего. Приводил его в детинец, кормил, одевал и спрашивал: умеешь ли что? Если же умел что-то полезное – охотиться, коней объезжать, с мечом обращаться, – предлагал Волх остаться и стать дружинником. Если же не умел ничего человек, то Волх давал ему денег и отпускал с миром. Так набрал с улиц Застеньграда мо-

лодой княжич семерых человек, все как на подбор угрюмые, дикие, лохматые. В детинце их за глаза сворой называли, потому что похожи те были на диких псов.

Каждый день выезжали теперь Волх с дружиной за стены детинца: то по городу пошататься и людей послушать, то за Порог коней погонять да уток пострелять. И так же день ото дня укреплялась в головах людей мысль, что Волх Змеорожденный – не человек вовсе, а неуязвимый змей. Забавы его становились всё опаснее, речи всё свободнее, но не слушал Волх тех, кто пытался вразумить его. «Без уса борода, без ума голова!» – сердито думал Гнежко, да только перестал ему Волх повиноваться, перестал к нему, будто сын, тянуться. Всё чаще ходил Волх на капище, всё чаще жег костры Волозарю, богу подземного царства. Повесил себе на шею и амулет, из когтей сделанный, тоже в честь Волозаря. Пусть не был Волх наследником вильчурова племени, пусть не был сыном Гнежко – Волозарь не только вильчурам отец и создатель, но и проклятым аркудам повелитель и хозяин. А потому считал Волх своим богом Волозаря, бога отверженных и изгнанных...

Случались у Гнежко беды в те года. То и дело на лесной тропе через Аркадак нападали разбойники на торговые телеги да на простых прохожих. Грабили каждого, кто пытался через лес пройти. Недолго думал князь, кто стоит за разбоем, тут же на ламанов указал, лесной народ обвинил. Волх тогда сильно осерчал на отца: как можно без разбору винить

и осуждать? Но ссориться не стал, затаил обиду и хранил молчание, не нарываясь на распрю. Посылал Гнежко отряды мечников проверять дорогу, но возвращались воины ни с чем: тих и безлюден Аркадак, попрятались ламаны в чаще, не найти их, среди ветвей не разглядеть. Не выходили ламаны к вильчуровой дружине, не показывали носов из своих лачуг... Однажды наткнулись мечники на аркуду с детенышами, страшная бойня приключилась. Трех медведица задрала, защищая своих медвежат, четверых покалечила. Насилу победили чудовище, да только медвежата в лес убежали. Приволокли тушу в детинец, пополнилось ложе Гнежко еще одной шкурой... Забрал тогда Волх когти да зубы медведицы, зарыл на могиле матери: «Позабыли вильчуры законы, не хоронят братьев своих как следует. Передай Волозарю от меня поклон, матушка, отдай ему когти да клыки, пусть не сердчает, пусть простит глупых людей».

Однажды в дождливый день ездил свора княжича на охоту. Уже возвращались и держали путь на Порог, когда конь Волха захромал.

– Сколик, – позвал Волх. – Посмотри, что с ногой у моего коня.

Пока тот осматривал ногу вороного, подъехал к Волху славный лучник Войша. Дождь то моросил, то дробно стучал по плечам своры, с трудом за ним различался Аркадак, но всё ж острый глаз лучника заметил три фигуры у самой границы:

– Княжич, глянь.

Волх обернулся и сам острым взором заметил: у самой кромки Аркадака стоят три невысокие фигуры и смотрят в их сторону. Сердце забила сильнее: неужто ламаны? Волх всматривался, чая разглядеть фигуры получше, но тут краем глаза увидел, как Войша натягивает тетиву. В последний момент успел Волх дернуть лучника за руку, и стрела взмыла не вперед, а вверх.

– Не смей, – коротко приказал Волх. – Они нам не враги.

– Так а кто торговые телеги грабит, если не ламанье поганое?

– У меня они ничего не украли, – отрезал Волх и, убедившись, что конь его здоров, стукнул пятками по вороным бокам. – Домой!

А фигуры уже исчезли за завесой дождя, словно привиделись всей своре...

Тем же вечером случилась ссора между Гнежкой и Волхом. И всё потому, что не находил в себе ни один из них сил справиться со своим горем. Гнежка злился на сына за то, что тот будто бы назло ведет себя так, чтобы каждый простак поверил: не княжий это сын, а змиулана. А княжич злился на Гнежку за его холодность и нелюбезность, с которой каждый раз обращался отец к сыну.

– Вместо того чтобы каждый день коней гонять, – грозно поучал князь Волха, – занялся бы делом. Ты больше не учишься, больше не читаешь книг и не упражняешься.

Не отворачивайся! Светел и Белотур всё мне рассказали. Якшаешься с безродными бродягами, глупостями досуг заполняешь!

– А чего мне тянуться к сухим книжкам, когда не быть мне князем? – с яростью ответил Волх. Происходила эта страшная распря в самом неподходящем месте – в гриднице за ужином. Дружина молчала, исподлобья наблюдая за ссорой князя и княжича, не смея вмешиваться. – Ты сам не веришь, что выйдет из меня путевый муж, так что же мне зря штаны просиживать? Я хотя бы мир повидаю за стенами дединца, а не буду, как ты, мхом покрываться да о былом сожалеть.

Рассвирепел тут Гнежко, кровью налились его глаза, а Волха уже не остановить было, весь накопленный гнев гигантской волной хлынул на отца.

– Ты недоволен моими кметями? Так ты недоволен каждым шагом, что я совершаю. Я знаю, как нелюб тебе, так и ты мне противен. Всё детство я старался понравиться тебе, будто и впрямь не твой я сын, а подкидыш. Сорняком ты меня считал в ухоженном саду, так сорняк и вырос!

Не заметил Волх, как на глазах навернулись злые слезы. Удивился этому Гнежко, попытался было ярость свою обуздать. Боль проступила на его старом лице, глаза стали влажными, будто знал Гнежко что-то, что Волху неведомо.

– Гореслав...

– Не называй меня так. Не мое это имя.

– Гореслав, ты мой сын.

– Не зови меня так, старик! Мое имя Волх Змеерожденный! И не ты мой отец, а древний змиулан. Мне жаль только, что мой настоящий отец не того из братьев погубил!

Не выдержал тут Гнежко и со всей силой ударил ладонью по лицу Волха. Перстнем рассек губу, свалил недюжей силой с ног. Вся гридница замерла в немом напряжении. Не смел никто и слова проронить, лишь со страхом глядели, как поднимается на ноги Волх и утирает капающую красную кровь с губы. Стояла тишина, никто не смел ни пить, ни есть.

Волх обернулся: сидела его свора, угрюмо глядя из дальнего угла. Вспыхнул Волх, да поделаться ничего не мог. Развернулся и быстрым шагом вышел из терема прочь, прижимая руку к кровоточащей губе. Наблюдал за ним пристально один из его кметей, выждал пару мгновений и тоже покинул гридницу.

А Гнежко сел на место и уже от всей благодати своей жалел о содеянном...

Глава четвертая. Переплут

Волх умывался водой из колодца, пытаясь остудить пылающее лицо. Не от удара оно так горело, хоть и всю силу вложил Гнежко в пощечину. Горело оно от стыда и гнева. Вытерся рукавом и только тогда заметил кметя, который вышел следом. Был тот человек не высок и не низок, не молод и не стар, не уродлив и не красив. Самый обычный. Напросился сам в дружину к Волху пару дней назад, назвался Переплутом.

– Зря ты покинул гридницу, – наконец произнес кметь, упираясь руками в колодец. – Дал князю выйти победителем из этой войны.

– Если он не нашелся, что сказать мне на правду, – это не победа, – упрямо покачал головой Волх. Попробовал языком ссадину, та всё еще кровоточила.

– Вся дружина – и его, и твоя – видела, что усмирил он твой огонь, Змеерожденный. А ведь ты и моложе его, и сильнее.

– Я не собираюсь быть князем, Переплут. Пусть видели, и что?

Переплут поджал тонкие губы и почесал слепой глаз. Говорил, ударился в младенчестве, с тех пор глаз побелел и не видел свет. Волх черпнул воды из колодца и отпил.

– Будешь ты князем или нет, дело твое. Но терять уваже-

ние из-за гневливого старика... Разве это дело? Потерял наш князь разум, раз считает Волха Змеерожденного недостойным преемником. Ведь ты не только моложе и умнее его, ты и родословной вышел. Кто может похвастаться тем, что родился он от Волозаревой Змеи? От змиулана, который сумел погасить солнца? Неужели ты думаешь, что Гнежко – лучший князь вместо тебя?

Волх нахмурился. Слова Переплута казались правильными, но беспокойство забилося в его груди, будто дождь застучал. Всё свое детство Волх старался заслужить признание князя, мечтал, чтобы его похвалили и назвали сыном, а сейчас... Сейчас не нужно было Волху ни доброе слово, ни отеческие объятия. Так думал Волх... Или же только хотел думать.

– Пусть всё так, как ты говоришь, и из меня князь лучше... Кто за мной пойдет, если я спустил Гнежко такое оскорбление?

Переплут прищурил здоровый глаз и сухо улыбнулся, будто подумал о чем хорошем. Приблизился он вплотную к княжичу и сказал:

– Князь стар и немощен, Волх. Ты слышал, как хрипит его грудь? Видел, как дрожат его руки? Никто не удивится, если одним утром Гнежко не проснется.

Холод сковал благодать Волха. Уставился он в сторону, чувствуя, как ужас заполняет всё его тело.

– А кого выбирать, если Гнежко уйдет со света? Кого вы-

бирать? – продолжил шептать Переплут. – Болигор уже стар, Белотур глуп. Вся дружина князя – старики да глупцы, никого из них не уважают в городе. Никого нет из старых родов, все погибли давно. Некого выбирать, кроме...

– Но и меня не уважают, меня боятся.

– Порою это одно и то же, Волх. Волозаря тоже боятся, но костры ему жгут и жертвы приносят. Я смогу подговорить дружину выбрать именно тебя, рассчитывай на мою помощь.

Волх посмотрел в лицо Переплута и медленно произнес:

– Я не давал еще никакого согласия, Переплут. Хоть слова твои и слаще меда, но чувствую я, неправильное это дело.

Переплут отстранился и пожал плечами:

– Решение за тобой, княжич. Я всего лишь помогаю тебе.

Не шли из головы Волха слова хитрого Переплута. Вспоминал княжич и тот давний разговор, подслушанный в детстве: ведь хотел Гнежко сам удушить в кровати Волха, когда тот был младенцем, когда тот был Гореславом. Хотел, да не удушил. Испугался?

Милада пришла в Волховы покои и принесла отвар, чтобы смочить ссадину на губе. Были они как брат и сестра, а потому девушка никогда не смущалась обрабатывать ссадины и раны княжича. Волх не хотел вести с ней беседу, но Милада и не спешила говорить. Только закончив, она положила тряпку в миску с отваром и заботливо посмотрела на Волха:

– Не держи зла на Гнежко, Волх, – она одна из родичей больше никогда не называла его Гореславом. – Ты зря стал

ругаться с ним.

Волх уже и не помнил, что стало причиной разгоревшейся брани. Стоило ли поднимать пыль, если даже зачин теперь неизвестен? Но слова Милады вдруг задели его: неужели и она за князя? Неужели нет здесь никого, кроме Переплута, кто понимает, какое серьезное оскорбление нанес ему тот?

– А он, выходит, прав был? – сердито глянул Волх. Не разгневалась она, только головой покачала.

– Оба вы неправы, что так злитесь друг на друга. Пожалел бы ты отца...

– А он жалел меня? – громко ответил Волх. – Он жалел меня хоть когда-нибудь?

Милада удивленно посмотрела на Волха, но ничего не ответила.

– Иди, – попросил устало Волх, и Милада молча поднялась и вышла. Не спорила она, никогда не ругалась с Волхом. С возрастом стала она спокойнее, хоть иногда и любила покидать с мальчишками камешки в пруд. Нежное чувство Волха к ней затаилось где-то глубоко, затянутое покрывалом обид и горечи. Не был бы Волх так несчастен, не был бы так обижен, присмотрелся бы к девице, углядел бы в ней красоту, каких поискать... Но не до любовных поисков было княжичу, когда одни печали на его судьбе.

В ту ночь не спалось Волху: всё метался по кровати, всё чувствовал солоноватый вкус крови на сухих губах. Не шел

сон, не мог успокоиться. То вскакивал и подходил к окну, остудить разгоряченное тело, то ложился и накрывался с головой, стуча зубами от холода. Вспоминались все обиды, вся несправедливость, с которой был связан Гнежко. Хотел встать и отправиться к матери на могилу, привалиться к тонкой березке и отдохнуть от мыслей-воронов, но сил не было. Рано утром поднялся, оделся и вышел во двор. На ступенях крыльца сидел Переплут и ковырял в зубах соломинкой. Увидев княжича, Переплут кивнул и спросил:

– На тебе лица нет, уж не мучало ли что в ночные часы?

– Сам знаешь что, – ответил Волх и отправился прочь из детинца погулять по торжищу, послушать трескотню торговков и поглазеть на девиц-прачек у брода. Но и это не принесло Волху покоя. Как червь ворочалась в его голове одна и та же мысль, вертел он ее и так и эдак, но никак не мог додумать до конца. Страшно становилось, стоило подобраться чуть ближе к решению, которое предлагал Переплут. Не убивал Волх никого, не доводилось ему еще проливать чужую кровь. Молод был еще и неопытен, хоть и интересно было бы испытать себя на ратном поприще, да случая так пока и не представлялось: границы были тихи да спокойны, а князь всё больше судил да приказывал... Неужто способен Волх вот так подло, исподтишка сгубить жизнь человека?..

Когда Волх вернулся, оказалось, что в гриднице у Гнежко городской глава. Волх затаился и подслушал разговор, хоть и тошно было от этого на душе. Привык он прислуши-

ваться в детинце ко всяким разговорам с тех пор, как услышал ту беседу Болигора и Гнежко. Как иначе бы узнал Волх о тайных помыслах того, кого полжизни почитал за строгого, но справедливого отца?

– Морок какой-то побил скот. Нет ни одного пастуха, который бы не столкнулся с этим, князь. Товары из Южной Полмы задерживаются, видно, снова ламанье проклятое напало на обозы...

Городской глава был человеком трусливым, заискивающим и некрасивым, но дело свое знал, и потому горожане год за годом выбирали его, чтобы он следил за порядком. Только вот не знали люди, что выбирают подхалима: боялся этот человек князя, боялся суда, да так, будто воровал или обманывал.

– Пошлю навстречу обозам дружинников с парой десятков мечников, – отвечал Гнежко. – А морок... что за морок такой?

– Да самый обычный, князюшка, мрет скотина, а кто поест ее, так сразу заболевает. Я ничего точно не знаю, несведушя, да только вот как пришла к нам семейка с выдивьем, та, что в Красном Конце живет, так и стал скот падать.

Привык Волх, что в детинце любую беду вешали на совесть дивородков или ламанов. У Гнежко всегда виноваты нелюди, не знает он других врагов.

– Многовато дивородков в Застеньграде стало, как думаешь? – задумчиво проговорил Гнежко.

– Многовато, князюшка, многовато! Ступить некуда, везде они! Бывало, иду по делам своим, а они так и пырятся своими глазками уродливыми, так и провожают взглядом своим проклятым...

– Вот что. Утомило меня это пустословие с выдивьями, – Гнежко поднялся. – С этого часу даю три дня, чтобы каждый выдивий убрался за стены Застеньграда и больше на торжище не продавал. Не хватало нам тут коровьей смерти от этих выродков.

Волх почувствовал, как гнев с новой силой заливает его изнутри, будто жидкое пламя. Гнежко ненавидит выдивьев, а именно они нуждаются в благоволении князя. Никому на всем свете не нужны несчастные дивородки: ни чуды их не признают, ни люди. Закружилась голова у Волха, перехватило дыхание. Хоть и не были чуды и выдивьи ему родичами, если верить словам Граба, но знал Волх, как никто другой, какво быть никем не любимым. Не сорная трава то растет у дороги, а княжич в родном тереме всем чужой.

Вышел Волх из терема и побрел в сад, где когда-то собирал яблоки вместе с Грабом. Была там одна скамейка, всеми забытая, у самого забора в тени: не садились на нее девицы щебетать, не присаживался князь отдохнуть, только Волх там и сиживал, думы темные думал.

До самого заката солнца сидел Волх, ломал голову. Страх подступал к самому горлу, руки дрожали листьями на ветру. Не быть теперь покою княжичу. Поднялся только на закате

и отправился найти Переплута. Хитрый он, ловкий, но добра Волху желает... А можно ли добро на чужой смерти выстроить? Только произнес про себя «смерть», как сердце дробно застучало. «Неужто нет другого выхода?» – горько думалось княжичу.

– Сам подумай, Волх, разве дальше будет лучше? А ну как отошлет тебя старый пень в Южную Полму? А ну как выгонит из дома? Тогда уж точно не быть тебе здесь князем, – так говорил ему Переплут. – Слышал ли ты о последней воли Гнежко? Прикажет он завтра всем выдивьям покинуть жилища. Застеньград отныне город без дивовищ.

– Слышал.

– Ну, разве справедливое решение?

– Несправедливое.

– Разве ты бы позволил такому случиться?

– Не позволил бы...

– Так действуй, княжич. Возьми ниточку своей судьбы в свои руки! Пусть удивятся твои суженицы, пусть старик-Иномер с печи от неожиданности сверзнется.

– А как же благодать? Что будет с ней? Как я в Вырий пойду?

– То не зло, что ради добра сделано, – улыбнулся Переплут и подмигнул единственным здоровым глазом. Задумался Волх, пробуя на языке эту мысль. Неужто можно ради добра совершать злое? Неужто прав Переплут?

Лил хитрые слова Переплут, словно песню пел. И не вы-

держало сердце Волха. Решился он.

Дождавшись глубокой ночи, Переплут и Волх встретились в темной гриднице. Полная луна то и дело пряталась за темными тучами, вдали слышались раскаты надвигающейся грозы. Волх показал Переплуту кинжал, а тот только улыбнулся.

– Но как же часовой? – спросил Волх у помощника. – Отец уже много лет спит под охраной.

– Охрана та не охрана вовсе, а сонный юнец. Доверься мне, княжич, я всё устрою.

Волх выжидал за углом, пока Переплут неспешно прошел к стоявшему у двери в княжеские покои молодому дружиннику Бранко. Клевал носом юноша, но при виде Переплута постарался встать ровнее и принять бравый вид.

– Какая гроза собирается, – зевнул Переплут. – Быть буре.

– Верно. Снова колосья на поле побьет...

– Не зябко тебе тут стоять в переходе, Бранко? Сквозняки да ветерочки.

– Зябко, но что ж поделать: мой черед княжеский сон охранять, – улыбнулся Бранко горделиво, а сам поежился и повел плечами.

– На вот, хлебни для тепла, – протянул Переплут Бранко небольшой кожаный сосуд. – Да не бойся, мед это, едва ли крепкий.

Бранко отпил пару глотков:

– Станный у тебя мед, Переплут.

– Ну уж извиняй, привереда, – усмехнулся Переплут и пошел прочь. Не успел завернуть за угол, как Бранко уже упал на пол. Не простой то был мед, а с сон-травой замешанный.

– Пойдем, княжич, судьбу твою вершить, – обратился к Волху Переплут, и они, таясь и оглядываясь, направились к княжьим покоям.

То не дверь дубовая закрипела, а сердце Волха застонало – сам не верил он в то, что собирается сотворить. Медленно вошли они в покои, затворили дверь, огляделись. Спал Гнежко и не слышал ничего, укрывшись мехами. Спал князь и не ведал, что замыслил его приемыш Гореслав.

Переплут шепнул едва слышно в самое ухо Волху:

– Ты станешь князем, Змеерожденный. Одно дело – и до конца дней своих будешь ты править, станешь хозяином своей судьбы.

Но не княжить Волх хотел, не это было его мечтою. Гнев и обида, мучавшие столько лет, стучали в ушах, будто тугой барабан. Поквитаться – вот чего хотелось княжичу. Отомстить тому, по чьей вине каждый день для Волха был испытанием. Отплатить кровью за каждую слезинку, пролитую за долгие туманные годы. Переплут обещал, что уговорит каждого из дружинников последовать за Волхом, но не тревожило его дальнейшее: вся жизнь его будто бы сошлась на этом мгновении, в этих покоях. Не тут ли змиулан-отец зачал его, Волха? Не тут ли пролилась черная кровь, погубив Лучезара? Не тут ли всё началось?

Волх бесшумной мышью подкрался к Гнежко. Осыпанные пеплом волосы разметались по перине, костлявые пальцы судорожно сжимают край мехового покрывала. На кровати лежал старик. Испещренное скорбными морщинами лицо беспокойно: видит Гнежко тревожный сон. Уж не смерть ли он свою видит? Уж не Верлиока ли снится князю, зазывает в свою повозку?

Переплут встал за спиной Волха и снова шепнул в самое ухо:

– Сверши то, ради чего ты был рожден, княжич.

Не понял этих слов Волх, но не было ни сил, ни времени выпрашивать. Вытянул из ножен кинжал с серебряной рукоятью, опустил взгляд на Гнежко.

– Занеси кинжал, княжич, делай свое дело. Не ради зла, а ради блага.

Дрожала неверно рука, сжимающая кинжал. Тяжело вздымалась грудь князя.

– Не медли, княжич.

Не луна то в окошке блестит, а злодейский кинжал сверкает в неверном звездном свете. Наклонился Волх к отцу, но никак не мог справиться с силами. Неужто вся горькая жизнь вела его сюда, к немощному старику? Неужто каждое злое слово, сказанное Гнежко, привело его сюда, занесло его руку с кинжалом? Неужто Гнежко, светлый князь Северной Полмы, будет предательски убит собственным наследником?

Но как же быть с выдвигавшими-изгнанниками? Как же быть

с той злосчастной пощечиной? Как же быть с каждой обидой, что копились в сердце Волха и выросли уже выше Кокорова хребта?

Вдохнул Волх, но не мог надышаться, будто кто стиснул железной рукой его грудь. Переплут ухватил запястье княжича и поднял руку с лезвием:

– Бей, княжич, бей.

Но тут вздрогнул Гнежко и открыл глаза. Волх будто в ледяной колодец упал.

– Гореслав? – тихо произнес Гнежко и тут заметил в руке княжича кинжал.

Изменилось лицо старика, стало вдруг смиренным, будто не мог он защититься и не хотел, только глаза его странно блестели и прожигали лицо Волха ледяным холодом. Будто и не ждал князь пощады, но и готов был к смерти: смотрел он на убийцу пристально и спокойно, как с высоты небес смотрят соколы за бегом мышцерики.

Волх отступил на шаг, потом на второй, никак не в силах отвести взгляд от Гнежко, потом развернулся – и стремглав бросился из покоев. А Гнежко продолжил лежать, не в силах теперь закрыть веки.

Переплут следовал за княжичем по пятам:

– Что ты творишь, Волх? Неужели думаешь, что уйдешь живым отсюда? Старый волк поднимет тревогу, не видать нам своих голов!

Но Волх вороном летел сквозь черные переходы. Выбежал

во двор, сбежал вниз по ступеням и застонал, словно от боли. Резь в груди выбивала воздух, руки заледенели, будто в колючий снег он их сунул. Громыкнул гром, и с черных небес стали срываться крупные капли холодного осеннего дождя. Согнулся Волх пополам, не в силах дышать, а Переплут знай вокруг вьется, будто ворон над обреченным странником.

– Что же ты наделал, княжич? Упустил ты свою возможность, Волх Змеерожденный!

– Седлай коней. Мы уезжаем из детинца, – приказал Волх. Переплут побежал в конюшню, а Волх обернулся и посмотрел на терем. Нигде не горели огни, нигде не слышно было криков. Казалось, будто бы не было страшной минуты над кроватью отца. Никто так и не пробудился, никто не бросился в погоню за предателями.

Волх и Переплут сами открыли ворота и во весь опор пустили застоявшихся коней через весь Застеньград. Казалось всё Волху, что гонятся за ним – не люди, но сила неизведанная и темная. Казалось, будто попал он в страшный сон: не проснуться, не убежать и не скрыться от древних чудовищ.

Вздымая брызги, переправились Волх и Переплут через брод на Пороге. Будто деготь черна была вода, окатила холодными брызгами Волха с ног до головы, ошпарила холодом, будто огнем лизнула в самое лицо. То не Порог-река воды спокойные в Южное море нес, то Смородина-река огнем полыхала. Взобрались Волх и Переплут на крутой берег

и помчали коней дальше. Погони за ними не было, но не мог Волх остановиться: не от людей он бежал, а от себя самого...

Так покинул Волх Змеорожденный свой дом, в котором не было ему места, в котором жил он, будто непрощенный кукушонок.

Не разбирая дороги, вломился Волх на полном скаку в сам Аркадак. Черный молчаливый лес вздрогнул, загудел, будто живой, и конь под Волхом встал на дыбы и заржал от ужаса.

– Оставляй коней, дальше пешком, – приказал Волх Переплуту, и пустились они бегом через дебри и кусты куда-то дальше, в самую глубь запретного леса.

– Ты предал каждого, кто верил в твои силы, Волх, – проговорил Переплут, когда остановились они на мгновение перевести дух. Темно было в лесу, не доходил сюда свет одинокой луны, не светили тут звезды, затягивались небеса косматыми тучами. – Не знал я, что ты трус, каких еще поискать...

Почти не слушал Переплута Волх, кровь шумела в ушах. Не бывало Волху так жутко никогда в жизни, не бывало ему так страшно никогда. Что же натворил? Что же наделал? Будто горела в груди благодать, погибая в пламени. Будто в самое сердце ядовитое жало Переплут воткнул, подлостью и лаской убеждая умертвить старика... Да не старика Волх умертвил, а благодать свою.

– Кто ты теперь? – шипел Переплут. – Змееныш бездомный, беглец трусливый! Предал ты правду, княжич! Издохнешь теперь, будто собака паршивая, а слава ведь на золотом

подносе была преподнесена!

Не выдержал Волх гадких речей и со всей силой ударил Переплута, да так сильно, что тот свалился с ног и прижал руку к лицу.

– Проклятый хитрец, – зло прокричал Волх, стоя над упавшим дружинником, – под твоими уговорами я готов был предательски убить человека! Лишить жизни князя и себя заодно – не было бы мне жизни после такого коварства!

– Княжич, тут ты неправ, – медленно прошелестел Переплут, кроваво улыбаясь. – Ни разу я не говорил тебе подобного. Я только лишь подсказал тебе решение, а ты сам взял в руки кинжал.

Переплут поднялся и глянул в лицо Волха единственным глазом. Волх рассвирепел. Подлый мерзавец научил Волха, как погубить свое благо, и нет снадобья от такой хвори. Бросился он на Переплута и повалил его на землю. Долго боролись они, катались по устланной иглами и опавшими листьями земле, поднимались и снова падали, пытались душисть друг друга, били со всей силы. Неожиданно сильным оказался Переплут, неожиданно ловким, и уставший Волх чувствовал, что вот-вот поддастся, вот-вот силы его иссякнут. Ухватил с земли Переплут камень и со всей силы ударил им Волха по голове – закружилось у того всё перед глазами, отпрянул он, ухватившись за рану, а подлый Переплут змеей прыгнул вперед, выхватил коварный кинжал из-за пояса Волха и коротко ужалил в бок.

Вскричал Волх от боли, повалился на землю. Переплут встал над ним и вымолвил:

– Видно, ошибся хозяин насчет тебя, выползок. Ничемный и слабый ты оказался, Змиуланович.

Волху ничего не оставалось, как затаиться, а как сделал Переплут пару шагов ближе – ударил, что оставалось сил, по колену хитрована. Тот выронил кинжал и упал, а Волх, сквозь боль и страх, рванулся к кинжалу. Не успел Переплут помешать – бросился на Волха, но напоролся на острие, по самую рукоять вошло оно ему под ребра. Выдернул Волх кинжал и трижды ударил – в живот, в грудь, в бок. Упал Переплут рядом и закашлялся алой кровью, потом вдруг улыбнулся и прохрипел едва слышно:

– Слаб ты, чтобы судьбу свою поменять, маленький змееныш, слаб и труслив...

Волх поднялся. Перед глазами всё кружилось, будто кто колесо с ним раскрутил и с горы пустил. Нестерпимо болел бок, и капала из него красная горячая кровь. Не разбирая дороги, не ведая, что творит, побрел Волх куда-то в сторону, лишь бы уйти прочь от умирающего Переплута... Издалека набежал волнами осенний ветер, и дождь забарабанил по листьям и черным в ночи еловым иголкам.

Вдруг земля ушла у Волха из-под ног, завертелось всё перед глазами еще сильнее, и рухнул он куда-то вниз, покатился под гору. То не могила человеческая, то глубокий овраг, рухнул Волх, ударился головой и застонал. Прежде

чем всё померкло, услышал он где-то над ухом шипение-шелестение. Потревоженные человеком, выползали из своих нор уголицы-гадюки, ведьмины змеи. Наползали они на княжича, опутывали его ноги и руки, холодные и тихие, будто ручейки ранней весной... «Тут мой конец», – подумал Волх, и провалился в темноту еще гуще лесной.

Глава пятая. Ламаны и Шатун

Рано попрощался с жизнью Волх, не закончился его путь в сыром овраге. Когда открылись глаза, увидел он сначала меховое одеяло, которым был накрыт до самого подбородка. Попробовал пошевелиться – вспомнил о ране на боку. Где же он? Неужели попал он в Вырий? Неужели увидит он свою любезную матушку, светлую княгиню? Но вместо матушки поодаль шуршала какая-то невысокая фигура. Волх присмотрелся в полумраке: сидя на коленях, спиной к княжичу, шуршала у крошечного стола маленькая, на первый взгляд обычная, старушка. Только вот волосы у нее были зелеными, будто тина болотная, в прическу не убраны, а раскиданы по сгорбленной спине. Что за невидаль?

Волх затаился и наблюдал, как толкла в ступке старушка какое-то снадобье. Лицо у нее было плоское, но вытянутое к подбородку, будто верхушка елки, треугольное. Брови густые, звериные, а руки великоваты для обычной женщины – длинные, сильные, с шишковатыми пальцами... «Ламанка!» – осенило тут Волха. Словно услышав его мысли, обернулась старуха и блеснула в полумраке круглыми глазами. Волх молча смотрел на нее, не зная, враг она или друг, а она закричала, поднялась с коленок. Тогда понял Волх, что лежит на деревянном настиле в шалаше, а зеленоволосая голова старухи почти касается потолка макушкой. Думал Волх,

заговорит ламаниха, но она развернулась и вышла, всколыхнув завесу шалаша. Тут бы Волху встать, собраться, вылезти на свет, но силы его вдруг покинули, отчаянно захотелось спать и даже угроза встретится с ламаньем не была способна его поднять с лежанки... Уснул Волх снова.

Через сколько проснулся – не сказать. Но на этот раз в шалаше было светлее, из-под завесы пробивался дневной свет и чистый ветерок колыхал край ветоши. Волх осторожно повернулся на спину и вздрогнул: рядом с его лежанкой сидел человек.

– Не пугайся меня, Волх Змеерожденный, – проговорил он спокойно и с улыбкой. Густой его голос был и бархатный, такому голосу любой гусяр позавидует.

Волх постарался привстать, но человек покачал головой:

– Отдыхай, ты не здоров.

– Сколько я лежал? – спросил он, послушно ложась обратно.

– Не много, не мало... Сколько требовалось. Рана твоя почти зажила, можешь не беспокоиться. Старуха Лоухи разбирается в растениях.

Привыкли глаза Волха к полумраку, рассмотрел он человека: крупный, широкоплечий, высокий, будто гора. Окладистая борода с проседью, но сам человек еще довольно молод, намного моложе старика Гнежко.

От воспоминания о содеянном защемило сердце у Волха, замер он, как испуганный олень, и чуть было не запла-

кал. Незнакомец поправил шкуру, которой был укрыт Волх и проговорил неспешно:

– Повезло мне тебя найти, княжич. Жаль, опоздал немного, на день или на два.

– О чем ты говоришь? Кто ты?

Незнакомец положил руки на колени.

– Поверь, совсем неважно, кто такой я. Куда важнее, кто ты.

– И кто же я?

– Гореслав Гнежич, Волх Змиуланович, княжич Застеньграда. Неужто ты позабыл, пока спал?

Волх горько усмехнулся:

– Не забыть то, что я чуть было не сотворил.

– Верно, и это лучшее, что может случиться с не случившейся бедой, – память о ней будет отныне оберегать тебя, – казалось, человек знает о Волхе даже то, что тот сам не поспешит рассказывать каждому встречному. – Тебе повезло, что ты в дружбе с гадами, Волх. Я нашел тебя в овраге... Уголицы – самые опасные змеи на этих землях, а на тебе грелись, будто малые котята.

Волх вспомнил свое падение, вспомнил шелестение уголиц – и вспомнил Переплута. Вздогнул:

– Мой товарищ... Переплут...

Тут человек вдруг посуровел. Дружелюбная улыбка спала с его лица, и в одночасье его лицо вдруг стало угрожающим, как морда рассерженного медведя.

– Подлец, что напал на тебя, верно?

– Да.

– Ты слаб еще, Волх, но для правды тебе хватит сил. Столкнулся ты не с подлым человеком, но с существом куда опаснее... Слышал ли ты про навья, мертвого князя Горюверской земли, Лихоима Окаянного?

– Мне эти сказки няня рассказывала, когда был я всего пару годов отроду. Помню только то, что замарал Лихоим благость и взамен хотел научиться всей ворожке, что известна с древности...

– Всё так и есть. Благость свою он отдал... – незнакомец задумался, поглаживая бороду. – С тех пор Лихоим ищет тех, кто ослабел, – прожорлив он – и жадно упивается их благостью, будто голодный пес мясом. Нашептывает Лихоим сладкие песни, а сам тянет несчастного с Иномерова пути.

– Он мертв?

– Не может стать мертвым то, что уже мертво... Ты ранил обличие, но навью суть человеческим кинжалом не сгубить.

Волх молча слушал, но сомнение не давало ему покоя:

– Он упомянул хозяина. Неужто у такого существа может быть хозяин?

Незнакомец глянул в глаза Волху и промолчал, всё так же поглаживая свою густую бороду. Глаза его были разными по цвету и такими яркими, что даже в полумраке шалаша разглядел Волх: один глаз карий, будто переспелая вишня, а второй зеленый, словно хвоя древней сосны.

– Об этом мы поговорим с тобой позже, когда ты окончательно на ноги встанешь, княжич, – наконец медленно произнес незнакомец. Он поднялся и, согнувшись, двинулся к выходу.

– И всё же, как мне называть тебя? – напоследок спросил Волх.

– Называй меня пока Шатуном.

На третий день сумел Волх подняться. Приходила к нему только старуха Лоухи, давала поесть кореньев и кислых ягод, приносила воды. Не отличалась она болтливостью, а Волх и не лез с разговорами. Не каждый день попадаешь на попечение ламанки, чтобы докучать ей бессмысленными расспросами. Знал Волх, что сам всё увидит, как только поднаберется сил. На заре третьего дня услышал он перешептывания у самого входа в шалаш. Немного приподнялся и углядел: у щели входа толкались три ламаненка, три маленьких *кокорчонка**. Каждый зеленоголов, космат, у каждого на шее по деревянному амулету. Увидав, что Волх их приметил, кокорчата испугано заметались и убежали прочь. Тогда Волх решил, что достаточно отлежался, чтобы попробовать выйти да посмотреть, где он оказался.

Вот диво было узнать, что шалаш, в котором пролежал Волх все эти дни, оказался на самой верхушке раскидистого дуба. Отшатнулся Волх от края, побоявшись упасть от слабости вниз. Огляделся кругом – на этом дубе шалашей больше не было, видно, живет тут одна старуха Лоухи. Зато на сосед-

них деревьях тут и там виднелись небольшие домишки, будто шишки на елке. Были здесь и дома, подвешенные на ветки, словно птичьи кормушки, были лачуги и у самых стволов, словно скворечники. Волх в изумлении озирался: как найти ламанов, если живут они не на земле, а с нее лачуги и не видать, так хорошо они запрятаны и так малы?

Не было никаких лесенок, хоть бы и веревочных, так что предстояло Волху спускаться по веткам, будто птице или белке. Медленно преодолевал он расстояния, не спеша и опасаясь сорваться, но с умом был построен шалаш – каждая ветка будто бы сама под ноги вырастала, сучья будто бы сами в руку ложились. Спустился Волх на землю и сам не ожидал своей радости: Ерома-матушка, как славно снова стоять на тебе!

Вокруг, казалось, было пусто. Но присмотрелся Волх и понял: человеческий глаз с трудом такое различит, но если уж знать наверняка, что ищешь, тогда заметно становится движение среди кустов то тут, то там. Снуют под деревьями ламаны, проскальзывают туда-сюда ламанята. Побрел Волх в сторону, куда то и дело в заросли ныряли диволюды, с трудом пробираясь через кусты, которые ламаны проходили, словно лисицы проскальзывали. И оказался княжич на небольшой поляне, окруженной густыми елями. А на поляне – прудик, не больше пяти шагов в длину. У пруда сидят ламанки: кто стирает зеленые тряпки, кто толчет в ступках коренья, кто просто болтает ногами в воде. Волх с жадностью

стал оглядываться: неужто и в самом деле все?

Ламаны все как на подбор с зелеными головами, просто-волосые и нечесанные. Одеты в ветхие, но чистые одежды цветов леса: тут и еловый зеленый, и дубовый зеленый, и изумрудный травы, и темный коры, и светлый ореховый. Пошиты одежды не по-человечески, будто наизнанку, но удобно и просто, без защитных узоров, без вязи-оберегов. Сразу почувствовал себя Волх не к месту разряженным: свита на нем черная с изумрудной вышивкой, сапоги высокие с серебряными бляхами...

Бегали в высокой траве ламанята, ловили бабочек да кузнечиков, догоняли друг друга и брызгались водой. Тогда какая-нибудь старая ламанка шикала на них и прогоняла подальше от пруда. Поодаль в тени восседали старики – четверо скрюченных от старости ламанов. Бороды-то у них также в зеленый выкрашены, а головы-то налысо острижены. Ушастые, глазастые, с такими же крупными и цепкими руками, щурятся на свет, ворчат о насущном.

Постоял так Волх, постоял и не знал, куда бы ему деваться. Тут заметила его *кокорища** у пруда и помахала рукой. Подошел к ней Волх, а она давай брызгаться.

– А ну брось, – строго по-человечески сказала старуха Лоухи молодой кокорице. – Не с ламаненком играешь!

– Вы по-человечески говорите? – удивился Волх. А старуха Лоухи только хмыкнула. Застала она еще совсем юной девочкой первую войну людей и диволодов, страшную Кок-

рову Сечь. До нее каждый ламан научился говорить на человеческом, а каждый из зверодлаков знал ламаний. Да только времени с тех пор прошло...

– Как зовут тебя, девица-кокорица? – спросил Волх у юной ламанки.

– Шишка, – сказала она. Волосы у нее были зелеными, но проглядывались рыжие прядки, будто язычки огня. – А ты – княжич из Большого города!

– Верно, Волхом меня звать.

– А вот и неправда, не так тебя зовут!

Похолодело всё внутри у Волха. А Шишка хихикнула и заболтала ногами в пруду:

– Уголица лучше подходит!

– Какая ты проказница, – улыбнулся Волх. – Сколько лет тебе?

– Мало еще, только пятьдесят коловоротов да половина.

Волх улыбнулся ей и подумал: «Будь ламаны людям друзья, вполне могла она застать мою матушку живой и невредимой».

– А видела ли ты, где Шатун?

– *Тарсашок!* – указала Шишка на другую сторону поляны, за деревья.

– За лугом у оврага, – перевела ворчливо Лоухи. – Смотри, снова не рухни. Уголицы первый-то раз стерпели, второй могут и обозлиться!

Поблагодарил Волх ламанок и осторожно побрел в сторо-

ну, где должен был найти человека. Отчего ламаны так добры с ним? Неужели неправда, что говорят о них, будто разбойничают они по лесным дорогам, будто грабят они обозы торговые из Южной Полмы? Никогда Волх не думал о ламанах плохо, даже когда Гнежко гневался на очередное нападение на торговцев. Размышлял княжич тогда так: «Не оттого ли ламаны нападают, что всё еще обиду держат на вильчуровых наследников? Не оттого ли разбойничают, что сердятся на людей, занявших их землю? Разве сами люди не охраняют свои границы?». Но не были ламаны, какими увидел их Волх, похожи на разбойников и разбойничьих жен. Приветливы они были и терпеливы, только старуха Лоухи ворчала, но разве не ворчала бы любая другая старуха, свались на ее плечи раненый человек?

Волх снова вошел в Аркадак, осторожно пробрался сквозь кусты и нашел Шатуна. Тот сидел на корнях могучего дуба и строгал палку. Его окружали ламята, совсем крошечные, и молодой ламан постарше, у которого не было еще густой зеленой бороды, только поросль на щеках и остром подбородке. Зеленые волосы его, убранные назад, украшали птичьи перья, а за ухо была заткнута тонкая осиновая веточка с пожелтевшими листьями.

– Однако оказался ты крепче, чем все мы думали, – приветствовал Волха Шатун, улыбаясь своей чуть грустной, но светлой улыбкой. Будто осеннее солнце было его лицо – приветливо, но уже холодно. Казалось, многое испытал этот

человек и многое повидал.

– Здравствуй, Шатун, – поздоровался Волх и осторожно опустился на поваленное бревно рядом. Ламанята вокруг зашептались, украдкой поглядывая на человека испуганными глазками. Похожи они были на маленьких совят – взъерошенные, круглоглазые, с маленькими носиками, что клювиками. В волосах у девочек вплетены веточки, на шеях мальчиков – деревянные обереги. Не боялись ламаны лесных духов, в дружбе с лесавками были, потому не было на их одежде никаких узоров – ни для защиты, ни для красоты. А обереги на шеях – от навьего племени да от человеческого. Улыбнулся Волх, наклонился вперед и громко сказал:

– А ну как съем!

Маленькие ламанята вздрогнули, но Волх тут же рассмеялся, и они заулыбались. Тот, что был постарше, рассматривал княжича с любопытством, но знакомиться не спешил. Шатун поднял свои разные глаза на Волха, перевел их на ламана и произнес своим спокойным голосом:

– Волх, это Тарсуш. Не обманывайся его юным возрастом, этот ламан будет поумнее нас всех.

– Зря ты шутишь, – проговорил Тарсуш. – Я просто любопытен, и часто бит за это.

– Я и не думал шутить, мой дорогой ламаненок. Ты и в самом деле крайне любопытен, но любопытство свое знаешь, куда прикладывать... Волх, Тарсуш – внук Лоухи, твоей доброй знахарки.

– Будь здоров, Тарсуш, – кивнул ему Волх. – И что же тебя занимает, что так сердит твое племя и семью?

– Из семьи у меня только бабка да сестра и остались – Лоухи и Шишка. А сердчают они на меня за то, что часто бегаю на окраину Аркадака или к дороге... – Тарсуш опустил свои круглые глаза и помедлил. – Ламаны не слишком хотят привлекать внимание людей. Да и Шатун сердится, – скромно улыбнулся ламан. Слова он выговаривал, чуть шелестя, будто не по размеру была ему человеческая речь.

Волх вспомнил три фигуры, которые видел давным-давно под дождем, когда ездил он со своей сворой на охоту. А ну как одним из них и был Тарсуш?

– Да кто же такой этот Шатун, – поглядел на человека Волх, – что знают его все ламаны и пользуется он таким уважением?

Шатун только улыбнулся краем губ, продолжая сдирать кору с березовой ветки.

– Странно, что ты не узнаёшь его, княжич, – удивленно посмотрел на Волха Тарсуш.

– Оставь немного тайны, дорогой мой ламаненок, – сказал Шатун. – Не всё ведомо людям, а что неведомо, бывает для них и опасно.

Тарсуш помолчал, но после продолжил:

– Шатун нам как отец, каждый ламан любит его и почитает. Нет ведуна мудрее, чем Шатун. И нет могучее воителя, чем он, ни среди людей, ни среди диволюдов. Шатун был

на Кокоровой Сечи...

– Да только не помогло это, – грустно улыбнулся Шатун.

– Не твоя в том вина, что мы были побиты, Шатун! – горячо воскликнул Тарсуш. – Верховичи пришли на помощь своим друзьям, да и Гнеж с Чарой снабдили воинов страшным оружием, – Тарсуш перевел взгляд на Волха и продолжил, сверкая глазами. – Гнеж и Чара подняли бурю, разбудили Стокрылого Ветра и обрушили на Кокорово побоище грозу, какой не бывало с самого начала времен! Тут уж никто не выстоит – ни аркуда, ни человек, ни бог!

«Уж не аркуда ли этот Шатун?» – подумалось Волху, но вслух не стал спрашивать. Не хочет Шатун говорить, откуда он родом, – его это право.

– С тех пор ламаны живут безвылазно в чаще леса... – с тоской вздохнул Тарсуш. – А Шатун порою заглядывает к нам, чтобы вспомнить былые времена.

– Не так часто, как следовало бы, – добавил Шатун и ласково потрепал зеленую голову Тарсуша.

– А разве не ламаны стреляют по обозам, которые тянутся в Застеньград из Лагвицы? – будто перепуганная птица, вырвался вопрос у Волха изо рта. Сам тут же пожалел, что спросил, но отступить было некуда.

Тарсуш насупился, сдвинул густые брови к носу и холодно, будто водой окатил, произнес:

– Ламаны проиграли в сражении и не хотят войны.

– Прости меня, – серьезно извинился Волх, прижимая ру-

ку к груди. – Я вырос там, где в любой напасти винят диволюдов. Я не хотел обидеть тебя.

– Я понимаю, – грустно вздохнул Тарсуш. – Не ламаны стреляют по людям. Мы стараемся не попадаться на глаза вашему роду.

– А знаешь ли ты, наблюдательный Тарсуш, кто стреляет по обозам и разбойничает на дороге? – с хитрой улыбкой вступил в разговор Шатун, продолжая строгать ножом березовую палку.

Круглые глаза Тарсуша вспыхнули, и он закивал:

– Коварство творит разбойничья шайка. Пять человек да четыре выдивья.

Волх почувствовал, как задрожало его сердце от тоски: прибавится скоро в лесу выдивьев, куда же им теперь идти, если Застеньград Гнежко для них запер? От воспоминания о Гнежко накатила на Волха волна дурноты, будто бы солнце напекло непокрытую голову.

– Хочу поговорить с тобой, княжич, – сказал Шатун и поднялся, передал почти вытесанный посох Тарсушу и рукой поманил Волха. – Пойдем пройдемся.

Они отошли совсем недалеко, но Волх уже чувствовал усталость. Словно прочитав его мысли, Шатун предложил присесть на низкие ветки кряжистой осины. Холодный воздух клубами пара вылетал из уст Волха, но внутри него всё горело от стыда и воспоминаний. В стороне виднелся овраг, тот самый, куда, точно в могилу, свалился Волх в ту злопо-

лучную, страшную ночь...

– Ты славный человек, Волх, – начал Шатун, заправляя руки в рукава своего одеяния.

Волх покачал головой:

– Плохо ты меня знаешь, Шатун. Благость моя замарана, мысли ядовиты и поступки мои... Поступки мои не достойны славного человека.

– Я знаю, почему ты бежал из детинца, – проговорил Шатун негромко, и Волх вздрогнул. – Но не должен ты думать, будто только из-за Лихоима ты совершал ошибки.

– То, что я чуть было... Моя в том вина, а не наущений Лихоима, – твердо отчеканил Волх. – Моя обида чуть было не толкнула меня к страшному деянию.

Неожиданно Шатун улыбнулся и ласково произнес:

– Любо мне, как ты готов брать всё на себя, княжич. Это и делает тебя неплохим человеком. Знаю я многое о тебе, о жизни твоей и о горестях. Непросто тебе было в родном доме без материнской ласки. Много обид ты испытал и много злосчастия. Лента судьбы твоя вся в узелках да зацепках, но сам ты... Не послушал ты Лихоима, не довел до конца страшное дело. И говорит это всё о тебе как о небезнадежном муже.

Слушал Волх молча. Горечь разливалась у него в груди, будто полынь зацветала. Хотел он верить словам Шатуна, но не мог. Вновь стал накрапывать холодный дождь, а вдали слышались раскаты грома, то Гнеж гоняет по небесам своих

буйных коней.

– Много плохого ты испытал, много... Написано тебе на роду было много горя и много испытаний. А с тем и много великих дел, – Шатун погладил свою окладистую бороду и задумался.

– Написано, да всё стерлось, – горько усмехнулся Волх. – Боги не помогают мне, змеерожденному от дивовища. Один я во всем свете, что сорная трава, – никому не нужен.

– Не спеши, княжич. Не все боги отвернулись от тебя, навъерожденного. Не всем ты не нужен... И оттого твоя судьба и страшнее... – Шатун замолчал, задумчиво глядя в сторону. Волх не отважился прерывать его размышления. – Я хочу предложить тебе то, что никто не предлагал тебе до сих пор, княжич, – голос Шатуна был тих и задумчив. – Я хочу предложить тебе то, что неведомо тебе и о чем ты не мыслишь.

Волх с удивлением посмотрел в лицо Шатуна. Тот перевел разноцветный взгляд на лицо княжича, и тонкие морщинки пробежали по его высокому лбу.

– Я хочу предложить тебе помощь.

Волх только растерянно заморгал, не ведая, что ответить на такое предложение. А Шатун продолжал смотреть на него, будто в самую благодать заглядывая.

– Помощь? Какую же помощь может предложить мне странник-ведун?

– Замечал ли ты, Волх Змеерожденный, как стали коротки солнечные дни и как холоден стал воздух даже в летнее

время? Замечал ли ты, княжич, как болеют люди и животные неведомой хворью? Замечал ли ты, Гореслав Гнежич, как рвется нить времен? Сын восстает против отца, князь отказывает в помощи нищим, люди бегут в страшный Аркадак, потому что жизнь вне леса стала страшнее, чем его чаща, – голос Шатуна был глубок и спокоен, только лишь глаза его сверкали подземным огнем. – Сам Лихоим появляется в Застеньграде, змиулан выбирается из своих пещер и нападает на светлую княгиню, ночной разбойник грабит могилы... Тебе суждено было родиться в темное время, Волх. Твоя судьба переплетена со многим, что творится вокруг. Да только судьба изломана, а время земное замедляется... – Шатун погладил свою бороду и вдруг пристально посмотрел в глаза княжичу. – Хотел бы ты, Волх Змеерожденный, исправить свою долю? Хотел бы ты исправить переломанные судьбы, не только свою, но и всех, кого ты знаешь и о ком не ведаешь? Хотел бы ты получить отца, который не брезгует объятием и нежным родительским словом? Хотел бы ты изменить ход времен и исправить прогнившие бревна моста между явным миром и Вырием?

Замер тут Волх. Задрожало у него всё внутри, будто тети-ва лука. Разве способен он на такое? Разве возможно исправить то, что сломано-переломано? Не лжет ли ведун, не пытается ли заманить княжича в неведомую ловушку?

– О чем ты говоришь, Шатун? Я не в силах поменять ход времени, даже боги не способны прикоснуться к нитям су-

деб, а что уж говорить о простом получеловеке?

– Я говорю то, что знаю, княжич. А знаю я точно: ты можешь это сделать, и только ты.

Волх растерянно заозирался: уж не шутит ли над ним странник, не попрятались ли по кустам маленькие ламанята, что вот-вот начнут хохотать над доверчивым человеком?

– Да кто же ты, что знает такие вещи? – удивленно спросил Волх, разводя руками. – Небылицы, да и только!

Поднялся тогда Шатун и проговорил грозно:

– Неужто ты считаешь меня уличным потешником, рассказывающим небылицы?

– Вовсе нет, но... Почему я?

Шатун посмотрел на княжича и почти ласково промолвил, и слова его запали в самое израненное сердце княжича:

– Потому что ты как никто знаешь, что значит перепутанная да перелатанная, горем-злосчастьем омытая, пылью дорожной запыленная да ливнями холодными иссеченная... человеческая доля-судьба.

Глава шестая. Замысел ведуна

Что ни день, то Волх становился крепче, что ни час – здоровее. Говорили про Аркадак в Застеньграде всякое: будто лес отнимает силу, будто пропитан он дымом от костров ламанья и ядовит тот воздух, да только не забирал, а возвращал он силы княжичу.

Старуха Лоухи готовила ему отвары и снадобья из горьких кореньев, приносила горсти сухих осенних ягод и чистую воду. Казалось Волху, что с каждым отваром становился он сильнее и что мысли его проясняются. Ночью знахарка уходила, и не знал Волх, где она спит, оставался один и слушал долгими ночами скрипы могучих деревьев и шум ветра.

Ламаны не разводили костров – огонь они не любили. Удивлялся Волх их силе и ловкости: питались они кореньями и ягодами, пили простую воду, а были сильнее любого крепкого мужа. Самые древние старики легко забирались в свои дома, карабкаясь по веткам да по сучьям. «Вот ведь беличий народ!» – думал Волх, глядя, как старуха Лоухи быстро спускается из шалаша на землю. Странно жили ламаны: вроде вместе, а вроде и врозь. Не собирались они вечерами, не танцевали и не болтали, как собирались дворовые в детинце перед сном. Только совсем юные ламанята бегали по трое или по пятеро, да ламаны уходили с утра на границы леса проверить свои уголья и следить за порядком среди зве-

рино́го пле́мени. Не переговаривались ламанки меж собой, не щебетали, как щебечут прачки на Пороге. Тихо вело себя ламанье племя, зря словами не разбрасывалось. Спросил Волх однажды Тарсуша: «Неужто не празднуете вы праздники всем народом? Неужто не бывает у вас веселья?». А Тарсуш только удивлено посмотрел на княжича: «Отчего же? Бывают. Ты судишь как человек, а мы – диволюды. Для нас день – что для тебя час, княжич. Не суетны ламаны, не спешат проживать жизнь, не шумят зря». Никак не мог привыкнуть Волх к тому, что лесное племя иначе распоряжается временем. Не быстротечна жизнь ламана, а потому не спешит он каждый вечер устраивать гулянья, не спешит разговаривать разговоры каждый день...

Однажды случилась сильная гроза, проснулся посреди ночи Волх и испугался: не развалится ли от ветра и ливня шалаш, не рухнет ли он с высоты на землю? Но вдруг вспыхнула молния, и увидел княжич, что сидит у края хлипкой лачуги старуха Лоухи и протяжно поет. Песней своей она Стокрылого Ветра извещала, чтобы знал он: на дереве этом ламаны живут. Не злись, Ветряной Батюшка, не гневайся, не шуми напрасно, не вали деревья, не губи ламанят!.. Сохранили песни лесного народа древние знания, не утратили силу, не превратились в простое увеселение, что поют в Застеньграде для того, чтобы время скоротать. Заснул тогда Волх под мурлыканье старухи Лоухи, будто под колыбельную, и не было ему больше боязно и тревожно.

Каждый день гулял Волх по лесу, и каждый день заходил всё дальше. Недовольна была Лоухи: «А ежели на аркуду наткнешься, человек? Не будет он разбираться, порвет, да и только. Не ходи далеко, не гуляй один». Тогда стал брать с собой Волх для компании юного Тарсуша. Показывал ламан Волху свои дороженьки, водил по безопасным уголкам Аркадака да развлекал рассказами. Так, рассказал он, что родился сразу после Кокоровой Сечи, а матушка его ушла в кору, когда было ему всего ничего, тридцатый годок миновал. Шишка, сестра Тарсуша, училась у Лоухи, готовилась стать знахаркой и день ото дня всё больше узнавала о тайнах травушек и кореньев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.